

Филологический факультет
Выпускающая кафедра общего языкознания

Силина Анастасия Викторовна

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Риторические особенности речи протоиерея Артемия Владимировича
«Миро изливанное церковно-славянского языка»
(выступление на конференции в Алексеевской пустыни 4 мая 2009 года)

Направление подготовки: 44.03.01 Педагогическое образование
направленность (профиль) образовательной программы
Русский язык

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ
заведующий кафедрой
доктор филол. наук, профессор Васильева С.П.
С.Васильева 08.06.18
(дата, подпись)

Руководитель
канд. филол. наук, доцент Бурмакина Н.А.
Н.А. Бурмакина 08.06.18
(дата, подпись)

Дата защиты 19.06.2018.

Обучающийся: Силина А. В.
08.06.2018. Анастасия
(дата, подпись)

Оценка Отлично
(прописью)

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3 – 8
ГЛАВА I. Ораторская речь как искусство	9
1.1. Становление риторики как науки.....	9 – 15
1.2. Роды и виды ораторского искусства.....	16 – 20
1.3. Мастерство красноречия. Риторический канон и риторический анализ	20 – 24
ГЛАВА II. Риторический анализ речи протоиерея Артемия Владимирова «Миро изливанное церковно-славянского языка»	25
2.1. Идеино-тематическое содержание текста.....	25 – 29
2.2. Жанрово-композиционные особенности текста.....	29 – 37
2.3. Лингвостилистические особенности текста.....	37 – 47
Заключение	48 – 52
Библиография	53 – 58
Приложение I. Биография Артемия Владимирова	59 – 61
Приложение II. Глоссарий	62 – 69

Введение

Великая способность, сделавшая человека Человеком – это дар слова. Словом можно исцелить, словом можно ранить, воскресить или убить. Слово – словно живая и мертвая вода в одном флаконе. И только от говорящего зависит, какой она станет в следующий момент.

Слово является не только средством общения между людьми и способом обмена информацией, но и инструментом, который позволяет воздействовать на поступки и сознание других людей.

Издравле владение словом очень высоко ценилось. По способности грамотно выражать свои мысли можно было определить общую культуру человека, уровень его образованности. Как подчеркивал А.П.Чехов, для интеллигентного человека «дурно говорить должно бы считаться таким же неприличием, как не уметь читать и писать...» [Мучник, 2016: 18].

Первым определение риторике дал Аристотель, назвав ее как «способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета» [Боженкова, 2011: 105].

По мнению Ю.М. Лотмана, термин «риторика» может быть употреблен в трех значениях:

а) лингвистическое значение: риторика представляет из себя правила построения речи на сверхфразовом уровне, структуру повествования на уровнях выше фразы;

б) поэтическое значение: риторика – это дисциплина, которая изучает «поэтическую» семантику – типы переносных значений, так называемая «риторика фигур»;

в) текстовое значение: риторикой называют «поэтику текста», раздел поэтики, который изучает внутритекстовые отношения и социальное функционирование текстов как целостных семиотических образований [Лотман, 1995: 92].

Такой подход лежит в основе современной «общей риторики».

В учебном пособии Г.Д. Удалых «Риторика. Ч.1. История риторики» подчеркивается, что «с позиций риторики изучается «языковой вкус эпохи», новые тенденции развития языка в его массовом употреблении, отношение к понятиям культуры речи, к традиционным нормам этикета, а также рождение и распространение новых этикетных речевых стандартов, включая невербальные» [Удалых, 2010: 206].

Ю.В. Рождественский дает риторике более простое определение. Он считает, что «риторика – наука о построении и правильном использовании речи» [Рождественский, 1989: 64].

Стоит подчеркнуть, что с момента «появления» риторики, ее предмет принципиально не изменился. Хотя для каждой эпохи характерен свой риторический стиль, однако, предмет риторики остается фундаментально единым, поскольку, как считает В.И. Аннушкин, «едины нравственно-культурные основы бытия» [Аннушкин, 2011: 55]. Для того, чтобы творчески развивать речь современного информационного общества, необходимо хорошее знание основ классической риторики – теории и практики совершенной речи. Благодаря этому знанию ум «напитывается» значительными мыслями, формируется стиль и воспитывается вкус как способность понимать прекрасное в языке.

Для современного мира характерен интерес к успешной коммуникации, поскольку от нее зависит развитие всех сфер жизни общества. В связи с этим возникают принципиально новые направления исследования языкового общения (теория коммуникации, теория информации, прагмалингвистика и т.д.), кроме того, происходит переосмысление направлений, которые уже давно известны научной мысли. К последнему можно отнести новую трактовку вопросов, которые традиционно рассматриваются в рамках классической риторики, а именно обращение исследователей к **риторическому анализу**.

Риторический анализ – это процесс изучения текста, его «раскодирование», выявление структурообразующих основ. В ходе риторического анализа происходит не только выделение главной мысли текста, но и поясняется истинность излагаемого.

Мастерство оратора представляет из себя совокупность операций по подготовке и произнесению публичной речи, проведению беседы или дискуссии с целью добиться желаемой реакции аудитории. Благодаря знанию правил и обладанию навыками риторики можно не только смоделировать ход выступления, но и спрогнозировать вероятную реакцию слушателей, а также выбрать способы использования стилистических форм повышения выразительности речи, основных правил культуры дискуссии. В публичной речи риторическая составляющая получает наиболее заметное выражение.

Публичная речь – это монологическое устное выступление, в определенной мере подготовленное и соответствующее конкретным стилистическим, коммуникативно-речевым и композиционным нормам. Публичная речь произносится перед группой слушателей для того, чтобы передать им информацию и воздействовать на них с целью достижения оратором определенного результата. В современной науке в это понятие входят выступления различных жанров и стилей: предвыборные речи, речи на съездах, встречах, митингах, конгрессах, академические и публичные лекции, ритуальные речи, религиозные проповеди, юридические монологи адвокатов, прокуроров, судей и т.п. Нами будет рассмотрено публичное выступление протоиерея Артемия Владимирова на конференции в Алексеевской пустыни 4 мая 2009 года.

Ораторская речь может быть информационной, развлекательной, воодушевляющей, призывающей к действию и убеждающей. В каждой конкретной ситуации она преследует определенную цель, однако, при этом остается продуманной, прагматичной и логически выстроенной.

Любая публичная речь имеет сложную структуру, которая включает разные языковые, содержательно-логические и стилистические элементы,

которые при совместном использовании и взаимодействии обеспечивают оптимальную передачу информации и эффективного воздействия на слушающих.

Тема нашего исследования – «Риторический анализ речи Артемия Владимировича «Миро изливанное церковно-славянского языка»».

Актуальность нашей работы заключается, в первую очередь, в том, что наряду с интересом современного языкознания к изучению устной речи возрастает значимость духовной и нравственной роли педагога в образовательном процессе. Кроме того, произведения Артемия Владимировича еще недостаточно изучены, несмотря на их ценность для современной педагогики.

Объект исследования – текст «Миро изливанное церковно-славянского языка», который был представлен на публичном выступлении Артемия Владимировича на конференции в Алексеевской пустыни 4 мая 2009 года.

Предмет исследования – построение данного текста, его изобразительная и интонационная наполненность, языковые средства различных уровней, создающие идейное и тематическое своеобразие текста выступления и определяющие авторские стилистические особенности.

Цель нашей дипломной работы – проведение риторического анализа публичной речи Артемия Владимировича «Миро изливанное церковно-славянского языка», выявление идейно-тематического своеобразия текста выступления.

Для реализации поставленной цели нами были сформулированы следующие **задачи**:

- 1) изучить теоретическую базу как риторики в целом, так и риторического анализа в частности;
- 2) рассмотреть идейно-тематическое содержание выбранной речи;
- 3) охарактеризовать специфику жанра и композиции данного текста;
- 4) провести лингвостилистический анализ.

Практическая значимость данной работы состоит в том, результаты нашего исследования могут быть применены при изучении творчества протоиерея Артемия Владимирова. Выводы будут полезны тем, кто связан с ораторским искусством и публичными выступлениями.

Методы исследования:

- описательный метод, реализующийся в приемах наблюдения, сопоставления, обобщения, классификации;
- риторический анализ, включающий в себя контекстуальный, семантический и лингвостилистический анализ.

Методологическая база настоящего исследования включает в себя работы по основам риторики и риторическому анализу текста [Аннушкин 2011; Михальская, 2001; Удалых, 2010], русскому языку и культуре речи [Голуб, 2002; Граудина и Ширяев, 1999] и работа Н.С. Валгиной, посвящённая изучению синтаксиса русского языка [Валгина, 2000].

Апробация результатов исследования. Основные положения выпускной работы были представлены в докладе на XIX Международном форуме студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука XXI века», на конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры (Красноярск, 2018).

Структура нашей дипломной работы включает в себя введение, основную часть, состоящую из двух глав, заключение, список литературы и приложения, которые включают биографию Артемия Владимирова и глоссарий.

Во Введении нами была обоснована актуальность темы, объекта и предмета исследования, определены цели и задачи работы, раскрыта практическая значимость работы, а также описана методология и структура данного исследования.

В первой главе – «Ораторская речь как искусство» – нами будут рассмотрены понятия риторического анализа текста и риторики в целом, история становления риторики в русском литературном языке, ее

возникновение, роды и виды ораторского искусства, мастерство красноречия, схема риторического анализа текста и риторический канон.

Вторая глава – Риторические особенности речи протоиерея Артемия Владимирова «Миро изливанное церковно-славянского языка – описывает идейно-тематическое содержание текста выступления, а также включает в себя характеристику жанрово-композиционных особенностей и лингвостилистический анализ.

Приложения содержат биографию протоиерея Артемия Владимирова и глоссарий.

ГЛАВА I. ОРАТОРСКАЯ РЕЧЬ КАК ИСКУССТВО

1.1. Становление риторики как науки

Риторика зародилась в Афинах в V в. до н. э. в связи с появлением ораторской и философской деятельности софистов.

В начале своего развития **риторика** представляла из себя не столько теорию, сколько практику обучения ораторскому слову, то есть риторическую педагогику. Софисты, или, как их называл А.Ф.Лосев, «бродячие учителя красноречия» обучали искусству публичной речи и спора каждого, кто был готов заплатить деньги за такие уроки. Стоит отметить, что в Древней Греции термины «мастерство» и «искусство» были напрямую связаны и неразрывны. Оба понятия обозначались словом «*techne*» («техника»).

В течение всего времени существования риторики ее термины изменялись, и для каждого века были актуальны различные стороны этой науки. В век греческой античности главенствовала формулировка «риторика – искусство убеждать», которую ввел Аристотель. В римском красноречии выделялось определение Квинтилиана: «риторика – это искусство говорить хорошо» [Граудина, 2013].

От классической риторики до наших дней дошло множество трудов, которые посвящены вопросам стиля и композиции речи. В первую очередь, к таким трудам относится «Риторика» Аристотеля, которая подробно описывает три рода речей:

- судебную речь;
- совещательную речь;
- эпидейктическую речь.

Среди работ Цицерона мы можем отметить, в первую очередь, три самых значительных его труда:

1. «Об ораторе» - где описывается характеристика идеального оратора и философа;

2. «Брут или о знаменитых ораторах» - книга об истории красноречия;
3. «Оратор» – труд, в котором описывается вопрос о стиле.

Опыт классической риторики обобщен в «Двенадцати книгах риторических наставлений» Квинтилиана.

Риторика, появившись в Древней Греции, представляла из себя науку об аргументации в публичной речи, которая необходима во время обсуждения вопросов практического характера. Несколько позднее риторический канон был заимствован римлянами для удовлетворения нужд римского общества. Здесь риторика стала выполнять роль не только устойчивой системы научных понятий, но и учебного предмета.

С гибелью античной цивилизации риторика не исчезла, а лишь претерпела некоторые изменения и продолжила свое развитие в средних веках и в новом времени. В средневековье риторика использовалась как искусство украшения речи. Первые появившиеся в Европе университеты признали риторику как одну из семи избранных наук, достойных для преподавания в высшем учебном заведении. Кроме риторики в первых европейских университетах преподавались грамматика, диалектика, астрономия, геометрия, арифметика, музыка. В наступившую эпоху Ренессанса и затем вплоть до XIX века риторика сохраняла свою значимую роль в образовании.

В течение многих столетий русская риторика была живым словом, которое поучало и наставляло на истинный путь. Например, знаменитое «Поучение» Владимира Мономаха является образцом дидактического красноречия, а «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона принадлежит к торжественному, эпидейктическому красноречию. «Слово о Законе и Благодати», будучи произнесенным в храме в присутствии князя Ярослава Мудрого, произвело неизгладимое впечатление на правителя Руси и его приближенных. Большая популярность этого произведения была обусловлена его стилистическими и литературными достоинствами. «Слово»

оказало значительное влияние на составителей позднейших ораторских сочинений, проповедей, а также на всех авторов подобного жанра.

Выпуск первого русского учебника риторики приходится на 1620 год. Данный труд представлял из себя перевод сочинения немецкого писателя Филиппа Меланхтона (1497-1560) с латинского языка на древнерусский. По предположениям историков, автором перевода был Макарий, митрополит Новгородский и Великолуцкий. Переводчик сделал незначительные отступления от оригинала с целью приспособления книги к российскому менталитету. В книге описывается понятие риторики и дается общее представление об этой науке. В ней представлены четыре вида речей: судебный, научающий, показующий (хвалебные речи) и рассуждающий (совещательные речи при решении государственных дел), а также говорится об «украшении» речи и о трех родах «глаголанья»: «высоком», «смиренном» и «мерном»» [Русский язык и культура речи, 2008: 66].

В середине XVIII века М.В. Ломоносов (1711 – 1765) создал первый учебник по риторике, выпущенный на русском языке. Издан этот учебник был в 1748 году под названием «Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показующая общие правила обою красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки».

В книге М.В. Ломоносова три части: «О украшении», «О изобретении», «О расположении». В ней великим писателем были изложены различные новаторские идеи:

- о классификации стилей;
- о взаимоотношениях церковно-славянского и русского языков;
- о проблеме языкового мастерства поэта, писателя, оратора.

Книга была очень популярна и еще при жизни Ломоносова была три раза переиздана.

В XVII–XIX вв. риторика стала представлять из себя науку об аргументации преимущественно в письменной речи: при этом общественное значение ораторской речи стало снижаться, а роль письменной литературы – политической и религиозной публицистики, богословия, исторической прозы, философии, документа начала возрастать. Со временем стала развиваться частная риторика, сформулировавшая правила создания определенных видов произведений – проповедей, судебных речей, деловых бумаг, писем, философских, исторических, научных сочинений и т.д.

XIX век стал веком расцвета, а затем кризиса риторики в России. В это время было создано множество блестящих учебники по теории ораторского искусства. Особенно стоит отметить следующие труды:

- «Опыт риторики» И.С. Рижского;
- «Краткая риторика, или Правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических» А.Ф. Мерзлякова;
- «Теория красноречия для всех родов прозаических сочинений» А.И. Галича;
- «Правила высшего красноречия» М.М. Сперанского;
- «Частная риторика» и «Общая риторика» Н.Ф. Кошанского.

На основе данных трудов риторика преподавалась в учебных заведениях.

Вторая половина XIX века ознаменовала исключение риторики из системы образования. Вместо нее стали преподавать изучение художественных сочинений и мнений литературных критиков по разным вопросам общественной жизни.

Но в пределах ортологического направления развивалась **наука о культуре речи**. В этом узком аспекте изучались проблемы общественно-речевого общения, стилистики речи, практические задачи культуры речи. Внимание таких известных ученых, как В.В.Виноградов, Б.В. Томашевский, Л.В.Щерба, А.М. Селищев, Г.О.Винокур, Д.Н.Ушаков, Б.А.Ларин, Е.Д.Поливанов, С.И.Ожегов и др., было привлечено к задачам речевого

воспитания общества, к культурологическим проблемам, к идее создания нормативных трудов XX века, которые отражали бы языковые реалии новой жизни страны.

Следующая волна интереса к риторике произошла в 60-е годы XX века с возникновением **неориторики**, которую основал бельгийский логик и юрист Х. Перельман. Новая риторика представляла из себя риторику убеждающей коммуникации, основанием которой был иной подход к слушателю. Если раньше благодаря риторике говорящий обучался только правилам речи и мог с легкостью заинтересовать даже самую холодную аудиторию, то в неориторике не только оратор, но и слушатели оказываются заинтересованы в передаче информации. Потому связь между аудиторией и оратором осуществляется на базе сотрудничества.

Неориторика словно объединила в себе две риторики: **риторику текста** и **риторику межличностного общения**. Риторика текста соответствует принципам ясности, уместности, выразительности и точности речи. Риторика межличностного общения базируется на принципах вежливости, сотрудничества, иронии. Именно благодаря неориторике воспитывается активность слушателей и читателей, она помогает им самостоятельно искать и находить правила чтения и понимания текста.

В конце 80-х гг. XX в. были изданы многочисленные работы по риторике. Среди них: «Общая риторика» (Пермь, 1992), «Основы риторики» (Киев, 1988), «Практическая риторика» (Воронеж, 1993) и пр. Эти труды принадлежат к различным жанрам: прикладной и теоретической, частной и общей, синхронной и приближенной к исторической.

В конце XX – начале XXI вв. в отечественной лингвистике снова пробудился интерес к риторике, объясняемый потребностями демократического развития общества в 90-е годы; и осознанием роли речевых умений каждого члена общества и их значения в развитии полноценной личности. В это время развитие риторики происходит в рамках педагогической сферы (Львов М.Р. Риторика. М., 1996.), а также происходит

формирование деловой риторики (Зарецкая Е.Н., Андреев В.И., Гимпельсон Е.Г., Анисимова Т.В., Александров Д.Н.).

Кроме того риторику рассматривают и как судебное направление (Порубов Н.И. Риторика. Минск, 2002; Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия. М., 2001 и др.), что актуально из-за введения суда присяжных и состязательности процесса. Широки культурологические сферы риторики (Чудинов А.П. Умение убеждать: практическая риторика. Екатеринбург, 1996; Сычев О.А. Обучение риторике в эпоху компьютеров. М., 1991; Клубков П.А. Говорите, пожалуйста, правильно. СПб, 2001 и др.).

Неориторика – это прямое продолжение классической риторики. Можно отметить сходство классической и новой риторики, которое заключается в их целях: согласно мнению Аристотеля, целью ораторского мастерства (и риторического учения) является наиболее эффективное воздействие, убеждение слушателей в правоте оратора. На сегодняшний день **целью неориторики** является поиск оптимальных вариантов (наилучших алгоритмов) воздействия, общения, убеждения.

В неориторике принято выделять конкретные этапы:

1. Подготовка. Во время этого этапа происходит работа над темой выступления, собирается необходимый материал, оратор добивается глубочайшего овладения темой.

2. Расположение материала. На этом этапе строится план речевого произведения.

3. Языковое оформление текста.

Сохранены и получили новое развитие и такие установки, как нацеленность стиля речи на уровень аудитории, поиск контакта с нею, изучение интересов слушателей, мастерство выразительной устной речи, умение вносить коррективы в подготовленный текст, анализ собственной речи и самооценка.

В возрождающейся риторике немало нового: это изучение структуры общения, ролей его участников, процесса коммуникации; изучение

механизмов каждого вида речи, ее мотивов, целей и т.д. Неориторика проявляет интерес к теории и опыту, накопленному радио, телевидением, прессой, рекламой, к построению теории диалога и полилога, к вариантам обратной связи в общении.

Исследуются индивидуальные особенности понимания текстов, которые допускают многозначное толкование (герменевтика). Изучаются функционально-смысловые типы речи, особенности их построения, их стилистики – от разговорно-бытового стиля до строгого и лаконичного языка научных монографий и дипломатических документов.

Кроме того, по мнению Г.Д. Удалых, большая роль в неориторике принадлежит новой отрасли языкознания – лингвистике текста, его синтаксису, изучающему построение текста, его компонентов, лексические, логические, грамматические связи внутри этих компонентов. Данную теорию используют для оценки готового текста и анализа, для совершенствования и составления нового текста на всех этапах его подготовки [Удалых, 2010: 206 – 207].

В задачи неориторики входит поиск практического применения перечисленных новых научных направлений в ораторской деятельности, в различных вариантах речевого общения, письменного и устного. Происходит значительное расширение практического использования неориторики: она применяется в бытовом и деловом общении, в личной и профессиональной деятельности, а также в общении с самим собой (во внутренней речи).

Таким образом, можно сказать, что каждый период развития русской риторики сохранял определенные традиции предыдущего периода, но одновременно с этим включал в себя некоторый сдвиг в осмыслении речевой деятельности, преодолевал те стилистические представления, которые господствовали в предшествующее время. «Эволюция риторической концепции происходила в тесной связи с изменением литературной нормы языка и новыми складывающимися вкусами» [Удалых, 2010: 207].

1.2. Роды и виды ораторского искусства

Риторику принято определять как теорию, мастерство и искусство красноречия. Риторика является одной из немногих гуманитарных дисциплин, которая до сегодняшнего дня сохраняет влияние античного синкретизма практического умения (сноровки, техники), мастерства и искусства.

Однако при этом общепринятое, традиционное определение риторики недостаточно удовлетворительно, поскольку ключевым понятием в нем является понятие красноречия, которое само нуждается в определении.

Риторикой называют теорию и мастерство воздействующей, целесообразной, гармонизирующей речи.

По мнению А.К. Михальской, говоря о риторике, мы подразумеваем и ее теоретическую часть, и практическое мастерство, поскольку риторическая теория, возникнув в древности, по сей день развивается в качестве **обобщения мастерства красноречия** в широком смысле этого слова. [Михальская, 2001: 36]. На данный момент существует не так много дисциплин, которые настолько ярко воплощают классическое античное единство искусства и ремесла, науки и мастерства.

Целесообразность речи представляет из себя соответствие речи цели оратора или речевому намерению. Целесообразность является основным требованием к риторическому произведению, как основной закон успешной речи еще со времен Аристотеля.

Не менее значимое свойство хорошей речи – это **сила ее воздействия на адресата**. Вновь обращаясь к определению А.К.Михальской, мы можем отметить, что риторически грамотная речь не способна оставить равнодушным ни одного слушателя, ведь она пробуждает чувства и ум, принуждает аудиторию к внимательному слушанию речи, а затем заставит ее принять всей душой ту картину мира, о которой говорит оратор. Речь подобного типа может также подвигнуть людей на активные действия, а в

некоторых случаях заставить их полностью изменить образ жизни и мировосприятие. [Михальская, 2001: 36].

Целесообразность речи и ее способность воздействовать на адресата напрямую зависят от умения **строить и вести речь по законам адресата**, согласно с особенностями аудитории и законами восприятия. Риторика, как древняя, так и современная, обращает на адресата постоянное пристальное внимание: «Риторически грамотная (целесообразная, воздействующая) речь должна быть скроена по мерке адресата, как платье по мерке заказчика, иначе успешной она не будет. Значит, из двух главных участников общения (говорящий и слушающий) определяющая роль, как это ни парадоксально, принадлежит второму» [Михальская, 2001: 36-37].

На сегодняшний день редко встречаются ораторы, не умеющие хотя бы относительно верно оценить аудиторию для того, чтобы эффективно воздействовать на своих слушателей. Однако при этом лишь немногие риторы способны верно вести себя в беседе, руководствоваться объективным представлением о собеседнике, понимать его потребности и особенности, ориентироваться на него. Таким образом, связь оратора с аудиторией фактически оказывается утраченной.

Целесообразная и воздействующая речь – это, в первую очередь, речь эффективная. Известно, что для того, чтобы дать верное определение риторике, необходимо понимать, что из себя представляет эффективность речи и речевого общения.

До некоторого времени, опираясь на теорию коммуникации и теорию информации, специалисты по речевому общению считали эффективным такую коммуникацию, при которой потери информации в процессе ее передачи от говорящего к слушателю были минимальны. Чем меньше помех и потерь при передаче информации, тем успешнее общение, выше эффективность речи. Чтобы учесть, что человек все же отличается чем-то от компьютера, что у него есть чувства и эмоции, что он всегда оценивает действительность стали различать три типа информации, передаваемой

речью: понятийно-логическую, оценочную или эмоциональную. Выходит, что если слушатель верно «расшифровал» информацию всех трех типов, присутствующую в сообщении говорящего, то общение между ними успешно (эффективно), а речь, соответственно, эффективна в том случае, если хорошо обеспечивает правильную расшифровку.

Современная риторика, отражая самую актуальную проблему речевого общения на сегодняшний день – проблему обеспечения оптимального взаимопонимания между людьми и конструктивного решения конфликтов, в первую очередь, решает задачу объединения участников общения. Из-за этого обязательным требованием к успешной речи сегодня становится еще одно условие – **гармонизация отношений** оратора и адресата.

Гармонизирующую речь можно назвать речью будущего, поскольку в современном мире она представляет, по большей части, идеал, к которому необходимо стремиться, однако идеал достаточно осознанный и действительно значимый. Потому в определение риторики включают понятие гармонии. Наиболее важно то, что гармонизирующая речь является риторическим идеалом, который сложился в истории отечественной культуры и характерен для русской речевой традиции.

Таким образом, **современная риторика** представляет из себя теорию и мастерство эффективной (воздействующей, целесообразной, гармонизирующей) речи.

Стоит отметить, что ораторское искусство еще с античных времен было неоднородным. Более разнообразным красноречие стало в XX столетии и продолжает дифференцироваться в настоящее время. **Ораторская речь** должна быть определенной не только по конкретному содержанию и своей теме, но также по способу изложения, по тому, каким образом происходит ее исполнение, какова степень ее эмоциональности и даже составу и характеру терминологии. Поэтому с точностью можно сказать, что мастерство в

красноречии представляет из себя овладение спецификой каждого вида и рода ораторского искусства и знание его предмета.

Ораторская речь в риторике делится на **виды** и **роды**. Данную тему исследовали многие ученые. Первыми изучали деление ораторской речи Цицерон и Аристотель. В современном мире этот вопрос рассматривают в своих книгах Мурина Л.А., Михальская А.К., Ивакина Н.Н., Кохтев Н.Н., Хазагеров Г.Г. и др.

Благодаря пониманию специфики каждого вида и рода ораторского искусства ритор способен сделать свое выступление адекватным речевой ситуации по стилю и форме.

Рассмотрим родовую и видовую классификацию рассматриваемой общественной практики.

Выделяют следующие роды красноречия, каждый из которых соответствует нескольким видам красноречия:

1. Социально-политическое красноречие – включает в себя отчетный доклад на собрании (съезде, конференции); политическую речь; доклад на политико-экономические и социально-политические темы; военно-патриотическую речь; дипломатическую речь; митинговую речь; политическое обозрение; агитаторская речь.

2. Академическое красноречие – включает в себя научный доклад, научный обзор, вузовскую лекцию, научное сообщение или информацию.

3. Судебное красноречие – включает в себя прокурорскую или обвинительную речь; общественно-защитительную речь; адвокатскую или защитительную речь; самозащитительную речь обвиняемого.

4. Социально-бытовое красноречие – включает в себя юбилейную или похвальную речь; надгробное слово или поминальную речь, застольную речь - тост;

5. Богословско-церковное красноречие – включает в себя проповедь и речь на соборе.

1.3. Мастерство красноречия.

Риторический канон и риторический анализ

Выступая с публичной речью, даже самые опытные ораторы должны тщательно готовиться. **Цель риторической подготовки** заключается в формировании коммуникативной компетенции. Коммуникативная компетенция, в свою очередь, представляет из себя способность к осуществлению коммуникативной деятельности в разных условиях и сферах общения. Общение, как и любая деятельность, включает в себя этап рефлексии.

В определенной мере каждый человек оценивает результат общения, ищет причины собственных коммуникативных неудач, но лица, для которых речевое общение является профессионально важной сферой, должны развивать навык научно обоснованного, грамотного анализа собственной коммуникативной деятельности.

Еще древние ораторы изучили, как мысль превращается в слово, описали путь этого превращения и обозначили правила. Так как данный путь был создан в античное время, которое считается классическим для развития риторики, его называли **классическим риторическим каноном** (в переводе с греческого «канон» – норма, правило, образец).

Михальская А.К. в своем труде «Основы риторики» (2001) определила классификацию этапов риторического канона: «Классический риторический образец (канон) отмечает на пути от мысли (а точнее, от ораторской задачи и темы) к речи пять этапов (античный риторический канон пятичленен):

1. Инвенция (лат. Inventio), или «нахождение», «изобретение» (invenire quid dicere – «изобрести, что сказать»).

2. Диспозиция (лат. Dispositio) – «расположение» (inventa disponere – «расположить изобретенное»).

3. Элокуция (лат. Elocutio) – «словесное оформление мысли», «собственно красноречие» (ornare verbis – «украсить словами»).

4. Запоминание (лат. Memoria). Речи в античности учили наизусть, репетировали; часто автор речи (логограф) писал ее для заказчика, который только заучивал и затем произносил речь.

5. Произнесение (лат. Actio hypocrisis). Это актерское, театральное исполнение речи (греч. hypocrites – актер) – этап, на котором речь не только произносится, но и разыгрывается с соответствующим использованием жеста, мимики, голосовых данных оратора» [Михальская, 2001: 141-142].

Стоит подчеркнуть, что как в «Кратком руководстве к красноречию...» М.В. Ломоносова, так и во множестве более поздних русских риторических трактатов, самые важные три этапа (изобретение содержания речевого произведения, его расположение и словесное выражение) образовывали три главные части, на которые подразделялась общая риторика. То есть каждый из трех первых этапов на пути от мысли к слову являлся предметом одной из частей риторики как науки и практического мастерства.

Одна из важнейших задач **риторического анализа** состоит в оценке эффективности/неэффективности коммуникативного акта и предполагает анализ факторов успешности.

Схема данного анализа базируется на описании коммуникативной ситуации. Разными исследователями по-разному описывается модель общения, однако в целом главными составляющими коммуникативной ситуации являются такие компоненты:

- 1) вид общения (непосредственное/опосредованное, устное/письменное и т.д.);
- 2) говорящий (пишущий);
- 3) адресат речи (читающий, слушающий);
- 4) используемый код (язык) общения;
- 5) коммуникативное намерение говорящего;
- 6) информация, которую говорящий передал ненамеренно;
- 7) передаваемый текст;

- 8) установка адресата речи на содержание общения, его представление о цели общения и личности говорящего;
- 9) контакт между коммуникантами;
- 10) особенности невербального поведения;
- 11) присутствие третьих лиц, оказывающих влияние на содержание и форму коммуникации;
- 12) социальные роли коммуникантов и их представление о соотношении социальных ролей;
- 13) реальные личности говорящего и адресата; их явные и скрытые мотивы, потребности, опасения, этические принципы, опыт и т. д.;
- 14) переданное метасообщение;
- 15) помехи общения;
- 16) достигнутый результат.

Основу риторического действия составляет стремление к **эффективности**. Под эффективностью подразумевают совпадение цели, поставленной говорящим и реально достигнутым результатом.

Для того, чтобы оптимальным образом построить взаимодействие, общение, оратору необходимо учитывать взаимодействие всех компонентов речевой ситуации и влиять на их соотношение. Также нужно помнить, что некоторые компоненты конкретной ситуации нельзя подвергать изменениям по воле говорящего (к примеру, особенности личности адресата, присутствие третьих лиц, социальные роли коммуникантов, наличие определенных помех и т. п.). Оратор может скорректировать некоторые компоненты ситуации при достаточном уровне мастерства (к примеру, можно отчасти поменять установки адресата, устранить некоторые помехи, уточнить представление о соотношении социальных ролей и т.п.). Кроме того, важно учитывать, что есть такие составляющие общения, организация и выбор которых полностью зависят от воли оратора: выбор формы и языка общения, установление контакта, использование невербальных знаков коммуникации, отбор содержания, комбинация речевых средств передаваемого текста.

Благодаря **риторическому анализу речи (текста)** можно понять, как «сделана» готовая речь (слово), каково ее устройство именно как риторического произведения, что она представляет собой как результат риторической деятельности.

По мнению А.К.Михальской, существует три аспекта риторического анализа на первоначальном этапе работы с текстом:

- аспект смысловой структуры (набора и соотношения «идей» речи);
- аспект расположения данных идей;
- аспект риторических форм (тропов и фигур).

При этом первый аспект анализа позволяет определить, каким образом действовал автор текста, когда создавал речь; второй этап показывает, каким образом он организовал (расположил) изобретенное содержание в целях лучшего воздействия на слушателя (читателя), а благодаря третьему этапу мы узнаем, какие средства элокуции (выражения) он использовал как «одежды» для изобретенного и расположенного содержания [Михальская, 2001: 288].

Перед тем, как приступить к анализу текста, нужно научиться определять следующие составные речи:

1. Общая цель речи. Для этого необходимо ответить на такие вопросы:

- Какова в этой речи главная цель (намерение) говорящего?
- Что хотел сделать автор (оратор): информировать адресата? убедить его? сагитировать? получить в результате речи конкретные действия адресата? заставить задуматься о нравственных проблемах или развлечь адресата?

Естественно, многие из данных задач могут совмещаться и выполняться совместно, в единстве, в пределах одной речи, однако всегда можно определить преобладающую;

2. Конкретная цель речи. Для ее определения нужно выделить:

а) основной тезис речи (что в ней утверждается, если речь убеждающая; к чему конкретно призывает говорящий, если речь агитирующая);

б) тему речи, если речь информирующая (о чем в ней сообщается?) или

в) предмет речи, если речь эпидейктическая (хвала или хула, торжественная речь), – то, чему она посвящена: любовь? дружба? зависть? доблесть? роза? крокодил? уродство? злоба?

Конкретная цель речи представляет из себя общую цель речи, а также ее тему, тезис или предмет.

3. В том случае, когда необходимо проанализировать текст действительно произнесенного публичного выступления, нужно представить себе перед началом анализа, *кому* (какой аудитории) речь была предназначена, *для кого* прозвучала. Фактор адресата очень важен для понимания риторического произведения.

Риторический анализ текста делается без учета мелких деталей, большее внимание уделяется общей и конкретной цели автора (говорящего), основным частям текста (выступления), важнейшим идеям (понятиям) и способам их связи, принципам расположения их в тексте и самым очевидным риторическим приемам [Михальская, 2001: 293].

ГЛАВА II. РИТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЧИ ПРОТОИЕРЕЯ АРТЕМИЯ ВЛАДИМИРОВА «МИРО ИЗЛИЯННОЕ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА»

2.1. Идеино-тематическое содержание текста

Для анализа нами был выбран публицистический текст протоиерея Артемия Владимиров, который он представил во время выступления на конференции в Алексеевской пустыни 4 мая 2009 года.

Данный текст представляет особый интерес для изучения тем, что *«пастырское слово отца Артемия звучит во многих аудио- и видеопрограммах, на телеканале СПАС и в радиозэфире «Радонеж», транслируется через Рязанское и Екатеринбургское телевидение в различные уголки России»* [см. Приложение I], но при этом творчество протоиерея Артемия в настоящее время является недостаточно исследованным. Артемий Владимиров в своих публичных произведениях и выступлениях затрагивает, в первую очередь, вопросы нравственности, которые всегда актуальны.

Стоит подчеркнуть, что по мнению Аристотеля, целью оратора является предмет речи – справедливое и несправедливое; полезное и вредное; прекрасное и постыдное. Однако современная лингвопрагматика и риторика определяют как цель ратора результат, который он желает получить от своей речи.

Общая цель анализируемого нами текста публичной речи заключается в том, чтобы заставить слушателя задуматься о нравственных проблемах молодежи и подростков, а также о роли педагога и Божьего Слова (озвученного педагогом) в нравственном воспитании молодого поколения. **Конкретная цель речи** – *«овладевание искусством (по «закону сообщающихся сосудов») передавать ребенку святыню, сокрытую в сердце педагога-христианина»* (с.2). А также привлечь внимание педагогов,

родителей и воспитателей к *«воздействию, благотворному влиянию носителя русского, церковно-славянского языка на окружающих людей, и прежде всего, детей»* (с.4).

Предмет текста данной речи – разъяснение воздействия, которое носитель церковно-славянского языка оказывает на окружающих людей, и прежде всего, детей.

В своей речи Артемий Владимиров сравнивает церковно-славянский язык с образом *«священного мира, через помазание которым в час крещения на верующую личность низводится Дух Господень, благодать Божия»* (с.4).

Отец Артемий описывает функцию настоящего мира, что оно из себя представляет и чем является, а затем проводит аналогию с русским литературным языком и церковно-славянским языком. *«Старое миро при освящении добавляется в новое, и таким образом сохраняется преемство от самих апостолов, возложение рук которых содействовало освящению падшей человеческой природы. Это миро мы, священники, получаем по благословению и храним в особом драгоценном сосуде, притом что сосуд этот, помещенный в определенное вместилище, некий киот, стоит на престоле или в ином достойном месте Божьего алтаря. Достаем мы это миро и пользуемся им не часто, но тогда, когда свершается в Церкви святое таинство крещения»* (с.6). Так, Артемий Владимиров описывает миро, которым так дорожат все христиане.

В следующей части своей речи отец Артемий разъясняет, почему приравнивает церковно-славянский язык к столь великому наименованию. *«Священное писание таким священным миром именуется имя Господне»* (с.6), - говорит протоиерей. *«В моем представлении, церковно-славянский язык и является той прозрачной, хрустальной стекляницей, в которой это миро пребывает без повреждения, без умаления, без смешения с чем-либо низким и греховным. Церковно-славянский язык – это ... некий сосуд, который мы от них получили, и в правильном пользовании которым состоит наша радость, наша победа, наша сила. Но сосуд этот мы полагаем в кивот, в некое*

вместилище... Этот кивот – русский литературный язык» (с.7). Таким образом, данное сравнение обретает полноту, детальную точность. Артемий Владимиров не просто указывает на сходство функций слова Божьего и церковного мира, но и уточняет все детали: как физическое, материальное миро заключено в сосуде, так и миро душевное тоже имеет свой сосуд. Это поразительное сходство еще более подчеркивает значение церковно-славянского языка для русского народа: *«Миро, содержащееся в стеклянице, – средство богообщения, богопознания. Стекляница – церковно-славянский язык, посредством которого мы призываем благодать Святого Духа. Русский язык, в его лучшем и чистом проявлении, – это некое пространство, некий более широкий сосуд, достойный для хранения самой хрустальной стекляницы – церковно-славянского языка» (с.8).*

Данная речь относится к **церковно-богословскому красноречию**, поскольку выступление Артемия Владимирова, состоявшееся 4 мая 2009 года на конференции в Алексеевской пустыни, было обращено, в первую очередь, к *«православному христианину, пастырю» (с.1)* и содержит все признаки церковно-богословского красноречия:

1. Повторение и единоначатие. Артемий Владимиров начинает и заканчивает речь выражением одной и той же мысли: *«Завершу я тем, с чего начал. Имя Божие – миро излиянное» (с.22).* *«Это миро – великая святыня! Старое миро при освящении добавляется в новое, и таким образом сохраняется преемство от самих апостолов, возложение рук которых содействовало освящению падшей человеческой природы. Это миро мы, священники, получаем по благословению и храним в особом драгоценном сосуде, притом что сосуд этот, помещенный в определенное вместилище, некий кивот, стоит на престоле или в ином достойном месте Божьего алтаря. Достаем мы это миро и пользуемся им не часто, но тогда, когда свершается в Церкви святое таинство крещения» (с.7).*

2. Антитеза или противопоставление двух типов или событий. Отец Артемий противопоставляет божественность церковно-славянского языка и инфернальность бранной речи: *«И как слово может быть вместилищем Духа, проводником Божественной энергии, так оно может быть проводником демонического, бесовского духа, вместилищем бесовской энергии. Матерная брань – вот тот антипод, вот тот нижний полюс инфернальной лексики»* (с.14).
3. Восклицание, прерывающее спокойный рассказ проповедника по поводу особенно замечательных фактов, положительных или отрицательных: *«Это миро – великая святыня!»* (с.3). *«Утром он являет ангельскую чистоту и радость, а вечером – это уже не ребенок и не поросенок, а бесенок!»* (с.15).
4. Сравнения и уподобления: *«Этот кивот – русский литературный язык. Миро, содержащееся в стеклянице, – средство богообщения, богопознания. Стекляница – церковно-славянский язык, посредством которого мы призываем благодать Святого Духа. Русский язык, в его лучшем и чистом проявлении, – это некое пространство, некий более широкий сосуд, достойный для хранения самой хрустальной стекляницы – церковно-славянского языка»* (с.6).
5. Эпитеты постоянные и украшающие: *«разделение зловонной и чистой струй»* (с.14), *«для восстановления помянутого, загнанного, загаженного, разоренного»* (с.12), *«сердце несмышленное, открытое, незащищенное»* (с.15).
6. Различные средства художественной выразительности, в том числе многочисленное цитирование Священного Писания: *«...Заповедь Господня светла, просвещающая очи (Пс. 18, 9). ... Просвещаеши Ты дивно от гор вечных (Пс. 75, 5). ... Знаменася на нас свет лица Твоего, Господи (Пс. 4, 7). ... Приступите к Нему и просветитесь (Пс. 33, 6). ... Встань спящий, и воскресни из мертвых, и освятит*

тебя Христос (Еф. 5, 14). ... В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков... (Ин. 1, 4)» (с.8).

2.2. Жанрово-композиционные особенности текста

Как мы говорили выше, Аристотелем были выделены три рода риторических речей:

- эпидейктические;
- совещательные;
- судебные.

Кроме того, античный оратор подчеркивал существование трех основных типов слушателей (адресатов речи):

- «просто зритель»;
- судья либо член суда;
- политик, государственный муж.

Потому, в соответствии с этими тремя главными разновидностями слушателей Аристотель выделял три рода речей; при этом у каждого рода он указывал основную функцию – «дело».

По мнению Аристотеля «совещательная речь обращена в будущее, выступает в форме совета и ставит целью склонить к совершению определенного действия» [Анисимова, 2014].

Потому мы можем сделать вывод, что анализируемая нами речь Артемия Владимировича относится к речи **совещательной**.

Для совещательной речи характерно использование трех типов аргументов и особое построение речи. Выслушивая совещательную речь, аудитория проходит три стадии осведомленности о разбираемом вопросе:

- сначала слушатели узнают общую информацию о том, что случилось;
- затем происходит классификация данной проблемы;
- описываются способы решения проблемы.

В совещательной речи используются следующие аргументы:

1. Аргументы, которые основаны на составляющих самой ситуации;
2. Аргументы, которые обращаются к содержанию данной ситуации;
3. Аргументы, убеждающие аудиторию в правильности принятия того или иного решения, – аргументы к внешним источникам.

Следует отметить, что в нашем случае речь является **совещательной**, так как в ней присутствуют все виды аргументов.

Стиль анализируемого текста – публицистический. По содержанию и по форме данный текст является **полижанровым**, поскольку сочетает в себе черты как аналитического (статья), так и художественно-публицистического (очерк) жанров. Рассматривая данное произведение как публичную речь, мы можем отнести его к ораторскому подстилю и жанру публичного выступления.

Сфера общения данного текста публицистическая, поскольку она связана с обсуждением общественно важной духовно-нравственной темы; **характер ситуации:** текст ориентирован на массовую коммуникацию в связи с сообщением актуальной информации и воздействием на читателей с целью формирования общественного мнения.

Характер адресата: текст речи предназначен для широкого круга читателей ввиду общественной значимости обсуждаемой проблемы, однако, сам Артемий Владимиров уточняет, что адресатом речи являются православные христиане, педагоги, родители, воспитатели.

Основные функции текста:

- информационная (сообщение о современном состоянии церковно-славянского языка, его роли в современном мире);
- воздействующая (убедить слушателей в необходимости доносить до детей сокровища церковно-славянского языка, жить, руководствуясь словом Божиим).

В тексте доминирует воздействующая функция, которая реализована в структуре текста в отборе и организации речевого материала (констатация современного состояния церковно-славянского и русского литературного

языка, а также того языка, на котором общается молодежь, призыв к необходимому воздействию на умы молодого поколения с целью их очищения и облагораживания).

Тип мышления, отраженный в тексте, – обобщенно-аналитический. Приводится убедительная аргументация для доказательства основного тезиса о важности воспитания молодого поколения через использование слова Божьего и церковно-славянского языка (в фактах, с использованием приемов сопоставления и противопоставления, сравнения).

Форма речи: письменная (с учетом публичного выступления – устная); **тип речи**: рассуждение, имеющее дедуктивный характер с тезисом (*«Основой для своего размышления я хотел бы взять образ освященного мира, через помазание которым в час крещения на верующую личность низводится Дух Господень, благодать Божия» (с.2), «Священное Писание таким священным миром именуется имя Господне» (с.3)*) и последующим доказательством (глубоким рассмотрением связи церковно-славянского языка с реальной, действительной жизнью, анализом влияния слова Божьего на душу человека); **вид речи**: монолог.

Стилевые черты, которые характерны для текста, отражают стилистический принцип соединения стандарта и экспрессии (В.Г. Костомаров): собирательность, призывность, доступность, простота. Логичность в изложении сочетается с экспрессией речевых средств, которые отражают восторженность автора значимостью Священного Писания и обеспокоенность морально-нравственным развитием современных детей и подростков.

Языковые приметы стиля, имеющиеся в тексте

Лексические:

- употребление терминологии по теме (*языковое пространство, мир церковно-славянского, русского языка, языковое мышление, сквернословие, нравственные ценности, педагог-христианин, русский литературный язык*);

- использование книжных слов из церковно-религиозного стиля (*кивот, сткляница, сакральный язык, богообщение, богопознание, велиар, inferнальность, миро, крещение, сребролюбие, имя Божье, слово Божье, освящение, проводник святых, таинства, пророк, храмина, чадо, благие всходы*);

- употребление газетизмов и единиц научного стиля (*открыть на конференции новую тему для размышления; соотнести жанры, пласты современного русского языка; пословичный фонд нашего языка; духовная история нашего народа; в его историческом развитии; литературные жанры, основывающиеся на художественном образе; знакомство с языковым пространством русского языка; нравственный мир подростка; компьютерный новояз*);

- использование языковых средств разных стилей: применение разговорных средств («*Утром он являет ангельскую чистоту и радость, а вечером – это уже не ребенок и не поросенок, а бесенок!*» (с.14) «*Те «оладушки» и «блины», с которыми так трудно бороться педагогу и которые «выпекаются» детьми тут же, на уроках*» (с.13)), книжных средств и терминов (*кивот, велиар, миро, сребролюбие, имя Божие, храмина, чадо, благие всходы* и т.д.);

- употребление приема вопросно-ответного изложения для того, чтобы усилить экспрессию, оценочность, создать яркость и доверительность (*Как же мы можем добиться разделения зловонной и чистой языковых струй? <...>* (с.14); *Что же говорить о детях? <...>* (с.15)).

Синтаксические: книжный характер синтаксиса – «*Обращаясь к русскому языку, в его историческом развитии, мы обретаем в памяти наши летописные своды, «предания старины глубокой», сказания* (с.12).

Говоря о **композиции** текста речи, стоит подчеркнуть, что семантика заголовка произведения Артемия Владимировича «Миро изливанное церковно-славянского языка» богата. Опираясь лишь на заголовок, мы понимаем, о чем будет идти речь в данном тексте. Ключевые слова в заголовке подводят нас к

идее и содержанию, к главной теме произведения (*миро, излиянное, церковно-славянский, язык*).

Поскольку анализируемый публицистический текст, в первую очередь, имеет отношение к публичной речи, то уже во **вступлении** автор подготавливает аудиторию к слушанию будущей речи: *«Я хотел бы предложить вам обозреть языковое пространство, или мир сакрального, церковно-славянского, русского языка, и в этом пространстве выстроить определенную иерархию, порядок. Поразмыслив о главной языковой святыне нашего народа – слове Божиим, воплощаемом в церковно-славянском священном языке, я остановлюсь и на том, что противостоит в наше время слову Божьему, обозначая главную тему дальнейшего рассуждения: Речь пойдет о воздействии, благотворном влиянии носителя русского, церковно-славянского языка на окружающих людей, и прежде всего, детей» (с.2).*

Переходя к **описанию**, отец Артемий проводит аналогию между мира церковным и мира языка. Он указывает на то, что основа данного размышления – это *«образ освященного мира, через помазание которым в час крещения на верующую личность низводится Дух Господень, благодать Божия» (с.4).* Артемий Владимиров описывает характеристики «материального» мира и детально соотносит их с характеристиками мира как слова Божьего: *«Церковно-славянский язык – это чудный плод филологической, а прежде, молитвенной деятельности святых братьев-просветителей. Это некий сосуд, который мы от них получили, и в правильном пользовании которым состоит наша радость, наша победа, наша сила. Но сосуд этот мы полагаем в кивот, в некое вместилище... Этот кивот – русский литературный язык. Миро, содержащееся в стеклянице, – средство богообщения, богопознания. Стекляница – церковно-славянский язык, посредством которого мы призываем благодать Святого Духа. Русский язык, в его лучшем и чистом проявлении, – это некое пространство, некий более широкий сосуд, достойный для хранения самой хрустальной стекляницы – церковно-славянского языка» (с.6).*

Затем отец Артемий кратко соотносит разные пласты и жанры современного русского языка с качествами и свойствами человеческой души. Он уделяет особое внимание совести, отражение которой находит в пословичном фонде нашего языка. Кроме того, он подчеркивает значение летописных сводов, «преданий старины глубокой», сказаний.

Тезисом данного выступления является характеристика церковно-славянского языка как средоточия имя Божиего: *«Церковно-славянский язык – это хранилище благовестия, Евангелия Господня, слова Божия» (с.8).*

Чтобы доказать данный тезис, отец Артемий переходит к **повествованию**. В первую очередь, он останавливается на том, как влияет Божие слово на душу человека и называет три типа воздействия:

1. Просвещающее воздействие. *«Плодом **просвещающего** воздействия церковно-славянского слова, слова Божьего, является богопознание, ведение, подлинное единение с непостижимым Творцом» (с.8).*
2. Очищающее воздействие. *«Церковно-славянский язык, запечатлевший в себе слово Божие, **очищает** душу от нечистых духов: гордости и тщеславия, блуда и чревоугодия, уныния и печали, сребролюбия и гнева» (с.9).* Здесь же он останавливается на разъяснении поговорки «Все мы одним миром мазаны». Артемий Владимиров уточняет, что *«Священное миро через молитву, через чтение, просвещает и очищает нас» (с.10).*
3. Умудряющее, или назидательное, нравственно укрепляющее действие слова Божия. *«Нравственное **укрепление, назидание** есть не что иное, как обучение чувств различению добра и зла, отторжение от себя зла и, напротив, следование стезей добра» (с.10).*

Перечислив основные виды благотворного воздействия, которое слово Божие оказывает на душу человека, и тем самым, доказав правомерность использования данного образа в связи с описанием роли церковно-славянского языка, отец Артемий переходит непосредственно к доказательству тезиса. По его мнению, просвещение нравственного мира

подростка одними только силами глагола Божьего невозможно, необходимо привлечение всех пластов русского языка, использование которых позволит развить языковое мышление, при этом оно *«одновременно дезинфицирует, укрепляет его, приобщая питомца к подлинной языковой культуре, делая своего воспитанника нравственно сильным, стойким, сообщая ему словесное противоядие против нечистого духа» (с.15).*

Артемий Владимиров считает, что церковно-славянский язык должен быть помещен в «футляр» русского литературного языка.

В основной части своего рассуждения Владимиров останавливается на противопоставлении церковно-славянского языка и матерной брани:

- *«В наше время... демоническая активность увеличивается» (с.14), «цель этого бесовского воздействия – ... разбить драгоценную стеклянную дабы священное миро пролилось и спарилось из человеческой души. И тогда вместо святыни Христова глагола – вещего слова нашего церковно-славянского языка, вместо имени Божьего, которое святится в сердце через благоговейное призывание Бога, в душу вселяется падшая, темная сила, делающая его престолом сатаны и испещряющая его именами богохульными» (с.15);*

- *«Безусловно, при несоудержимости, или демоническом обстоянии, оскверненная человеческая душа использует свои языковые средства. И как слово может быть вместилищем Духа, проводником Божественной энергии, так оно может быть проводником демонического, бесовского духа, вместилищем бесовской энергии. Матерная брань – вот тот антипод, вот тот нижний полюс инфернальной лексики, которая стремится сегодня войти в «торричеллиеву пустоту» нашего царства-государства, лишённого какой бы то ни было здоровой национальной идеологии, войти и в человеческую душу, соделав ее жилищем «семи бесов». Демонизированная лексика приобщает человеческое сердце к космической падшей, богохульной, боговраждебной, сатанинской энергии» (с.16);*

- *«Матерная брань.. должна быть окружена «профанным», десакрализованным языком. С ним соотносится вся совокупность вульгаризмов, пошлых, ушлых словечек... Это компьютерный новояз, который сегодня сознательно пренебрегает всеми орфографическими и грамматическими языковыми нормами, с его намеренно искаженным правописанием, приводящим к распадению формы и содержания» (с.16).*

В связи с этим Артемий Владимиров подчеркивает значение подвига образования и воспитания. Он уточняет, что данное великое дело *«свершается на том поле сражения, где сталкиваются лед и пламя, свет и тьма, добро и зло» (с.17)* – а именно в душе ребенка. Несовместимые понятия, добро и зло, святыня и порок, способны одновременно сосуществовать в детской душе, потому важно научиться очищать детские сердца от несознательной грязи.

Артемий Владимиров не только рассуждает о сущности проблемы, но и предлагает ее решение: *«Думаю, ответ только один: мы сами должны быть носителями некоей словесной духовной тайны. <...> так, чтобы через наши уста, глаза, через образ жизни, через нашу личность светило имя Божие. <...> Через молитвенное, тайное призывание Всемогущего Бога совершается освящение сердца, семьи, земли, вселенной. <...> Какие рычаги нужно использовать для восстановления попорченного, загнанного, загаженного, разоренного, в порошок стертого, в пепел развеянного? <...>. речь идет о воздействии Божественной благодати на сердце, которое становится проводником святыни, сообщая миру освящающее воздействие» (с.18).*

Отец Артемий говорит о том большом значении, которое имеет православно ориентированная школа, *«вводящая во внутренний мир ребенка все пласты и жанры нашей православной культуры» (с.18)*. Несмотря на то, что реалии современного мира часто разрушают то, что с трудом выстраивается педагогами, однако, ритор призывает не останавливаться и продолжать бороться за детскую душу: *«Мы призваны вновь и вновь восстанавливать порушенное, покуда в милом чаде не заговорит совесть и*

самый возраст не сделает его способным к удерживанию благих всходов» (с.19). Для того чтобы в итоге сам ребенок мог отличить добро от зла: «Постепенно происходит таинственное возрастание нравственного потенциала, который нам нужен прежде всего, ибо мы, педагоги, призваны быть богоносными личностями. Тогда ребенок и при молчании наших уст будет воспринимать духовные импульсы Божией благодати, не насилующей и не подавляющей, но пробуждающей, просвещающей, назидющей» (с.19).

Артемий Владимиров подводит слушателей к **заключению** с помощью призыва, который обращен ко всем педагогам: *«Педагог призван остаться в памяти этих некоторых светлым и теплым пятном, дабы послужить маяком, ориентиром, на который его питомцы некогда, может быть, взглянут (не сейчас, пока они находятся в «зоне турбулентности»), а пять-десять лет спустя, когда посеянное нами даст первый всход в их душе, возможно, уже изрядно потрепанной враждебной языковой стихией» (с.21).*

Из всего вышесказанного следует, что велико значение не только самого церковно-славянского языка, но и тех людей (педагогов, пастырей, воспитателей, родителей), которые сумеет поддерживать силу слова Божьего в собственной душе и делиться им с детьми.

2.3. Лингвостилистические особенности текста

Выбор **лексических средств** данной речи обуславливает тематика текста. На нее указывает заглавие «Миро изливанное церковно-славянского языка». Размышлению о великой роли церковно-славянского языка в современном мире и, в первую очередь, в деле воспитания молодежи посвящен данный текст. Отбор лексики связан с популяризацией духовной активности в современном мире.

В тексте преобладают местоимения: *мы, мне, я, он, его, нас*; притяжательные: *наш, наше*; встречаются относительные местоимения (*что, который, какой*); определительные (*каждый, самих, сами*),

указательные (*этот, это*), вопросительные местоимения (*как, что*), неопределённые (*кто-то, что-то*); возвратное местоимения *себя*, неопределённое местоимение *иной*.

Основная тематическая группа включает в себя следующие слова и словосочетания: *святыня, размышление, обозреть, языковое пространство, мир сакрального, церковно-славянский, народ, слово Божие, священный язык, свет, тьма, языковое мышление, душа подростка, нравственные ценности, внутренний мир, пастырь, педагог, образ мира, помазание, крещение, апостолы, благословение, хранить, сосуд, киот, алтарь, святое таинство, русский литературный язык, плод филологический, средство богообщения, богопознание, благодать, словесная сила, пословичный фонд, историческое развитие, сказания, воздействие, умудряющее, назидательное, нравственно укрепляющее, просвещающее, очищаемы, следование стезей добра, священные глаголы, бесовское воздействие, священное миро, драгоценная стекляница, Христов глагол, вещное слово, проводник Божественной энергии, вместилище Духа, подвиг образования и воспитания, отделять пшеницу от плевел, имя Божие, молитвенное, тайное призывание, духовная тайна, Божественная благодать, освящающее воздействие, проводник святыни, православная культуры, таинство.*

Желание отца Артемия пробудить в сердцах слушателей сочувствие и понимание значимости церковно-славянского языка в деле воспитания детей проявляется с помощью ярких лексических средств: *золотые буквы, душа не ест хлеб праздности, духовное сокровище, помазано Божией благодатью, послужить маяком, святыня, сокровищница памяти, стезя добра, священные глаголы, просветить нравственный мир подростка, сердечное воздействие, духовная тайна, труды горных народов, восстанавливать порушенное.*

Данная речь состоит из **разноплановой** в стилистическом отношении **лексики**, среди которой можно выделить :

- **книжную** (опочил, уста, персты, чадо, благие, помазано, святыня, низвел, воплощаемый, возложение, благотворное, вместилище, киот, миро, сопряжен, откристиллизована, простецы, сребролюбие, чревоугодие, богохульный, попраный и т.д.), которая преобладает в данном тексте;

- **нейтральную** (говорить, силы, добро, зло, мир, замечательный, страх, начнется, душа, хлеб, нравственный, личность, и т.д.);

- **разговорную** («зона турбулентности», андерграунд, «блины», новояз, поросенок и т.д.).

Благодаря такому выбору лексики создается живое и доступное изложение достаточно сложного вопроса. Для данного текста характерно использование **синонимов**:

а) языковых (26 синонимических рядов): дети – чада, дитяти; педагог – учитель; очищать – обеззараживать; загубить – низвести; воздействие – влияние; демоническая – падшая, темная, демонизированная, боговраждебная, станинская, богохульная; пошлые – ушлые, нечистые, низкие;

б) контекстуальных (14 синонимических рядов): зло – велиар, демон; брань – матерные слова, оладушки, блины; слово – оружие, ученики – питомцы, подопечные, дети, подростки, чада; размышление – слово, сказанье и др.

С помощью использования синонимов оратор избегает повторов, а также каждый раз по-новому описывает предметы речи.

С **морфологической точки зрения** стоит обратить внимание на то, что в тексте преобладает именная лексика из-за констатирующего характера изложения. В речи присутствуют **существительные** в единственном числе, которые несут собирательное значение (*наша душа, христианин, пастырь, педагог, родитель, воспитатель, мир подростка, учитель, слово, подвиг* и т.д.

В тексте происходит смешение **личных местоимений** в единственном числе (*я, мне, его, ее, оно, он, ему*) с местоимениями во множественном числе, обобщенном значении (*мы, нам, нас, вы, вам, вами, они, ими, их, вами*), которые и являются преобладающими: <...> **я** хотел бы предложить

вам обозреть языковое пространство (с.1); дабы послужить маяком, ориентиром, на который *его* питомцы некогда, может быть, взглянут (не сейчас, покада **они** находятся в «зоне турбулентности»), а пять-десять лет спустя, когда посеянное **нами** даст первый всход в *их* душе (с.20) и др.

В данном тексте присутствует большое количество сложноподчиненных предложений, что объясняет частое употребление **относительного местоимения** *который*, выполняющего роль связки между главным и придаточным предложениями: <...> Мы побеседуем о столкновении света и тьмы в поле языкового мышления, о хуле, сквернословии, **которые** сейчас пытаются вторгнуться в «свято место» – душу подростка (с.4); Основой для своего размышления я хотел бы взять образ освященного мира, через помазание **которым** в час крещения на верующую личность низводится Дух Господень, благодать Божия (с.3); <...> таким образом сохраняется преемство от самих апостолов, возложение рук **которых** содействовало освящению падшей человеческой природы (с.7); <...> церковно-славянский язык и является той прозрачной, хрустальной стекляницей, в **которой** это миро пребывает без повреждения (с.6); <...> это некий сосуд, **который** мы от них получили (с.4); <...> стекляница – церковно-славянский язык, посредством **которого** мы призываем благодать Святого Духа (с.5).

Связующее значение между главным и придаточным предложениями играют **относительные** местоимения *что, какой*: <...> – настолько чистое, **что** оно семьократно освящает человеческое сердце (с.8); я остановлюсь и на том, **что** противостоит в наше время слову Божьему (с.2); после приобщения Святых Таин Христовых забываем, **какой** Небесный Гость опочил, живет, царствует, действует в нашей душе (с.18).

В тексте часто употребляются **притяжательные местоимения** (*моего, своего, своим, твоей, твоя, свое, нашего*): <...> Адресатом **моего** размышления является, конечно, православный русский христианин (с.2); <...>.. имеет **своим** вместилищем внутреннее пространство души

(с.4); **своим** средоточием он имеет имя Божие (с.4); приобщая питомца к подлинной языковой культуре, делая **своего** воспитанника нравственно сильным, стойким (с.7); <...> и если Бог действительно присутствует в **твоей** душе, если **твоя** душа не ест хлеб праздности.. то по мере накопления количества являет себя качество **нашего** сердечного призывания Господа и обращенности к Нему (с.17).

Кроме того, стоит подчеркнуть присутствие **определятельных местоимений** (каждый, сам, самих, сами): **Каждый** из нас ощущает в себе словесную силу <...> (с. 14); мы **сами** должны быть носителями некоей словесной духовной тайны (с.16); **указательных** (это, те, того, тот, этот, этим, вот, в том, такое): <...>Но сосуд **этот** мы полагаем в кивот, в некое вместилище (с. 6); Это сердце **такое** несмышленое, **такое** открытое, незащищенное (с.18); **возвратного местоимения** себя: Божие слово проявляет себя в трех воздействиях на душу человека. <...> (с. 8); отторжение от себя зла и, напротив, следование стезей добра <...> (с. 10). **Вопросительные местоимения** (что, как), благодаря которым автор подчеркивает важность мысли, а также сохраняет связь с адресатом с помощью риторического вопроса: <...> Что же говорить о детях? (с. 17); Как же мы можем добиться разделения зловонной и чистой языковых струй? (с. 8). **Неопределенные местоимения** так же присутствуют в тексте (некий): <...> сосуд этот, помещенный в определенное вместилище, некий кивот, (с. 6); <...> это некое пространство, некий более широкий сосуд, достойный для хранения самой хрустальной стекляницы (с.7).

Публицистическим текстам свойственно преобладание **глаголов** в настоящем времени, что мы встречаем и в рассматриваемой речи. Их основная функция заключается в том, чтобы показать, что ситуация совершается «сегодня», «сейчас», а значит, она актуальна и злободневна. мы переходим к размышлению о русском языке и о его соотнесенности с Евангелием (с. 2); Это миромы, священники, получаем по благословению и храним в особом драгоценном сосуде, притом что сосуд этот, помещенный

в определенное вместилище, некий киот, стоит на престоле или в ином достойном месте Божьего алтаря (с.6). При этом стоит подчеркнуть, что в тексте часто встречаются глаголы в форме будущего времени, благодаря которым главная мысль раскрывается более полно, а также выражается желаниe и ожидания самого автора: «Прекрасное должно быть величаво!» (с. 17); <...> церковно-славянский язык должен быть помещен в драгоценный футляр русского литературного языка (с.8).

Особенность синтаксиса данного текста проявляется в его усложненности, которая выражается в обилии:

- **сложносочиненных и сложноподчиненных предложений** (с преобладанием вторых): «Мы побеседуем о столкновении света и тьмы в поле языкового мышления, о хуле, сквернословии, **которые** сейчас пытаются вторгнуться в «свято место» – душу подростка и перевернуть всю систему нравственных ценностей» (с. 3) – СПП, в котором союз «которые» выступает связкой между главным предложением и определительным придаточным; «Утром он являет ангельскую чистоту и радость, **а** вечером – это уже не ребенок и не поросенок, а бесенок!» (с. 18) – сложносочиненное предложение (далее ССП) с противительными отношениями, средством связи в котором является союз «а».

- **однородных членов предложений** (синтаксической однородности; с. 3, 5 – 7, 9, 12-15, 17, 19 – 20): «Но самое для нас **скорбное, печальное и трудное**, когда мы убеждаемся, что в наших детях сосуществует несовместимое, когда смешиваются в каком-то аморфном «коагулятивном растворе» **высота и низость, святыня и порок, добро и зло**, (с. 17); Демонизированная лексика приобщает человеческое сердце к космической **падшей, богохульной, боговраждебной, сатанинской** энергии (с. 15).

- **деепричастных и причастных оборотов**: «поразмыслив о главной языковой святыне нашего народа – слове Божиим, **воплощаемом в церковно-славянском священном языке**, я остановлюсь и на том, что **противостоит в наше время слову Божьему**» (с. 2) – причастный оборот,

выраженный страдательным причастием несовершенного вида «*воплощаемом*»; «*А завершу я свое размышление словом о том, как, **воздействуя на языковое мышление нашего подопечного***» (с.3), - деепричастный оборот, выраженный деепричастием несовершенного вида «*воздействуя*».

Стоит подчеркнуть, что в тексте найдено 32 **причастия**, из которых **действительных** 17 единиц (*действующая, живущая, различающая, питающая, основывающиеся, вбирающий, отражающему, занимающий, вводящая, запечатлевший, укрепляющий, делающая, испещряющая, заменяющих, приводящим, действующих, умеющем*): «*есть Богом данная совесть, **различающая** добро и зло*» (с. 17); **страдательных** 6 единиц (*данная, воплощаемом, помещенный, содержащееся, просвещенные, лишенного*): «*Это миро мы, священники, получаем по благословению и храним в особом драгоценном сосуде, притом что сосуд этот, **помещенный** в определенное вместилище, некий киот, стоит на престоле или в ином достойном месте Божьего алтаря*» (с. 4); **кратких причастий** 10 единиц (*доверено, сопряжен, очищаемы, вправлен, помещен, опустошена (2), окружена, занята, запечатлено*): «*...> с совестью, вместилищем нравственного чувства и соответствующего ему понятия, **сопряжен** пословичный фонд нашего языка*» (с. 11); «*...>..церковно-славянский язык, наподобие перстня, в который **вправлен** драгоценный камень*» (с.5).

Что касается **деепричастий**, то их количество в тексте составляет 11 единиц, из которых деепричастий **несовершенного вида** 9 единиц (*воздействуя, возрастая, приобщая, обращаясь, сообщая (2), делая, ограждая, смотря*): «*...> **обращаясь** к русскому языку, в его историческом развитии*» (с. 8); «*..развивает языковое мышление и одновременно дезинфицирует, укрепляет его, **приобщая** питомца к подлинной языковой культуре, **делая** своего воспитанника нравственно сильным, стойким, **сообщая** ему словесное противоядие против нечистого духа*» (с.15); **совершенного вида** 2 единицы (*поразмыслив, соделав*): «*...> войти и в*

человеческую душу, **соделав** ее жилищем «семи бесов» (с. 16); **Поразмыслив** о главной языковой святыне нашего народа – слове Божиим (с.3).

Рассматриваемый нами текст насыщен **прилагательными** (184 единицы), благодаря употреблению которых формируется целостная картина действительности, которую представляет автор, а также выделяются самые значимые, ключевые моменты. **Качественных прилагательных** в тексте насчитывается 106 единиц (*новую, дорогие, великая, старое, родной*): «Мне доверено, **дорогие** друзья, *открыть на нашей конференции новую тему для размышления*» (с. 2). **Относительных прилагательных** – 74 единицы (*русский, языковое, церковно-славянский, словесный, внутренний, православный, окружающих*): <...>...мы переходим к размышлению о **русском языке** (с. 3).

Также в тексте часто встречается **наречие** (68 единиц). Рассмотрим **обстоятельственные** (32 единицы в тексте) наречия:

- **времени**: *иногда, ныне, теперь, как никогда, навсегда, впоследствии, тогда, всегда, прежде, никогда, сегодня (2), когда, зачастую, заблаговременно*. К примеру, «согласимся, что **сегодня** просветить нравственный мир подростка, дать ему ведение в различении добра и зла, укрепить его невозможно только лишь глаголом Божиим» (с. 14);

- **меры и степени**: *более, не меньше, не менее, в меру, не ниже, постепенно, скорее, едва*. К примеру: «русский язык, в его лучшем и чистом проявлении, – это некое пространство, некий **более широкий** сосуд, достойный для хранения самой хрустальной сткляницы – церковно-славянского языка» (с. 9).

Среди **определительных наречий** (36 единиц в тексте) мы можем выделить **качественные наречия**: *прекрасно, высоко, ясно, необходимо, разумно, совершенно, несправедливо, пусто, невозможно, духовно, радостно, несомненно, нравственно, величаво, благородно, благотворно, доходчиво, внутренне*. К примеру: «**Величаво, то есть и благородно, и благотворно** в воздействии на душу» (с. 17).

Стоит подчеркнуть, что в тексте присутствуют разговорные конструкции с **вводными словами**:

- *Да, действительно, как в сердце святого Игнатия Богоносца, в человеческих сердцах золотыми буквами должно быть запечатлено это имя (с. 14).*

- *Очевидно, речь идет не о захвате моста, телеграфа, телефона (хотя, конечно, неплохо было бы завладеть Останкинской телебашней (с. 17);*

- *Безусловно, при бесоодержимости, или демоническом обстоянии, оскверненная человеческая душа использует свои языковые средства (с.15).*

В анализируемой нами речи присутствует множество различных **синтаксических приемов экспрессии**, таких как: развернутая метафора, эпитеты, риторическое восклицание, риторический вопрос, антитеза и пр.). Остановимся на изучении данных приемов более подробно.

С помощью использования **развернутой метафоры** создается доверительный характер сообщения. В рассматриваемом нами тексте развернутая метафора преобладает среди употребляемых языковых средств: *ограничены церковной оградой (с.5), разбить драгоценную стекляницу (с.8), испарилось из человеческой души (с.8), следование стезей добра (с.9); родитель пусть привлекает все пласты русского языка, как бы перепеленывает ими душу, развивает языковое мышление и одновременно дезинфицирует, укрепляет его (с.14), словесное противоядие против нечистого духа (с.12), в душу вселяется падшая, темная сила (с.15), делающая его престолом сатаны и иснещряющая его именами богохульными (с.15), и как слово может быть вместилищем Духа, проводником Божественной энергии, так оно может быть проводником демонического, бесовского духа, вместилищем бесовской энергии (с.17), церковно-славянский язык должен быть помещен в драгоценный футляр русского литературного языка (с.5); **сравнения**: Введение ребенка в мир православной культуры я бы уподобил трудам горных народов, которые приносят землю на высоту гор,*

на узкие террасы, ограждая их виноградной лозой или живыми изгородями, затем удобряют землю, со страхом смотря, не сойдет ли сель, который во мгновение ока может погубить усилия земледельцев. И как часто в нашем деле сходят снега, разливаются реки, веют ветры – и храмина падает! (с. 20) и др.

Идиостилевой особенностью текста является употребление в тексте **реминисценций (аллюзий)**:

1. ..как обеззараживать внутренний мир детей, какую можно использовать «благую инъекцию», дабы «**антонов огонь**» сквернословия не загубил и не низвел в словесный андеграунд внутренний мир детей. (с. 2)

Антонов огонь. Устар. Народное название гангрены, заражения крови. [Кузнецов, 1998:45].

2. Обращаясь к русскому языку, в его историческом развитии, мы обретаем в памяти наши летописные своды, «**предания старины глубокой**», сказания (с. 4).

Цитата из поэмы «Руслан и Людмила» (песнь первая) (1817-1820) А.С.Пушкина (1799-1837).

Иносказательно: о давних и малодостоверных событиях, которые мало кто помнит (ирон.).

В речи Артемия Владимирова присутствуют и **пословицы**: «Все мы одним миром мазаны» (с. 15).

Эпитеты в рассматриваемом нами тексте выражены преимущественно именем прилагательным (благоговейное призывание, темная сила, демоническое обстояние, оскверненная душа, бесовского духа, бесовская энергия, inferнальная лексика, демонизированная лексика, к падшей, богохульной, боговраждебной, сатанинской энергии, драгоценный футляр, сакральное пространство, пошлые словечки, низкие, пошлые, нечистые слова, замечательные и парадоксальные пророчества, сокровенные рабы Божии, несмышленное, открытое сердце, ангельская чистота, духовное

сокровище, духовная высота, благие всходы, милое чадо, зрелая личность, золотые буквы, сердечное призывание, таинственное возрастание, нравственный потенциал, духовные импульсы, светлое и теплое пятно, враждебная языковая стихия, прозрачная, хрустальная стекляница, чудный плод, широкий сосуд, благодатные воздействия, и др.), а также наречием (трудно и даже невозможно поставить и др.).

Кроме того, мы встречаем в речи Артемия Владимировича приемы, которые характерны для публицистического произведения. К ним относятся **риторические вопросы:** *Что же говорить о детях?* (с.14); а также **побудительные и восклицательные предложения:** *И как часто в нашем деле сходят снега, разливаются реки, веют ветры – и храмина падает!* (с.16) *Мы призваны вновь и вновь восстанавливать порушенное, покуда в милом чаде не заговорит совесть и самый возраст не сделает его способным к удерживанию благих всходов* (с.17).

Таким образом, как показал анализ использованных автором языковых средств и их особой организации все языковые элементы текста и его общая структура направлены на убеждение педагогов, родителей и воспитателей в следовании «слову Божьему» с целью очищения детской души.

Заключение

В современном мире каждый человек должен уметь убедительно говорить и владеть речью, поскольку именно речь является основным инструментом деятельности как преподавателя, так и любого другого специалиста. В результате исследования нами было выявлено, что в риторике обобщены приемы, позволяющие научиться выступать публично.

Современная риторика представляет из себя теорию и мастерство эффективной (воздействующей, целесообразной, гармонизирующей) речи.

В нашей дипломной работе мы постарались достигнуть поставленной в начале исследования цели и как можно более подробно раскрыть риторические особенности данного текста (публичной речи), с помощью проведения риторического анализа, а также сделать выводы относительно идейно-тематического содержания, жанрово-композиционной специфики и лингвостилистических особенностях текста выступления. Из изученного нами теоретического материала (работы: А.К. Михальской, В.И. Аннушкина, Л.К. Граудиной, Г.Д. Удалых, Ширяева Е.Н. и пр.) нами были вычленены самые значительные аспекты, которые касаются становления риторики, мастерства красноречия, а также продуктивные компоненты риторического анализа и проверена на практике единая схема риторического анализа, с помощью которой мы смогли раскрыть индивидуально-авторские особенности Артемия Владимировича на материале текста его публичного выступления на конференции в Алексеевской пустыни 4 мая 2009 года «Миро изливанное церковно-славянского языка».

Идейно-тематическое содержание анализируемого текста обусловлено ситуацией, в которой оказывается *«воздействие, благотворное влияние носителя русского, церковно-славянского языка на окружающих людей, и прежде всего, детей»*.<...> (с. 4), тематика обусловлена тем, что на сегодняшний день происходит <...> *столкновение света и тьмы в поле языкового мышления <...> хула, сквернословие.. сейчас пытаются*

вторгнуться в «свято место» – душу подростка и перевернуть всю систему нравственных ценностей (с. 12).

При рассмотрении идейно-тематического содержания текста, мы обозначили **цель** анализируемой публичной речи, которая состоит в том, чтобы заставить слушателя задуматься о нравственных проблемах молодежи и подростков, а также о роли педагога и Божьего Слова (озвученного педагогом) в нравственном воспитании молодого поколения. Мы определили, что предметом данной публичной речи является разъяснение воздействия, которое носитель церковно-славянского языка оказывает на окружающих людей, и прежде всего, детей.

Публичное выступление Артемия Владимирова состоялось на конференции в Алексеевской пустыни 4 мая 2009 года, было обращено, в первую очередь, к *«православному христианину, пастырю»* (с.2) и содержит все признаки церковно-богословского красноречия.

Анализируемая нами публичная речь относится к речи совещательной, поскольку имеет своей целью аргументированное доказательство оратором своей точки зрения и намерение склонить слушателей к конкретному действию.

Рассматриваемый нами публицистический текст является полижанровым. Он сочетает в себе черты аналитического (статья) и художественно-публицистического (очерк) жанров. Рассматривая данное произведение как публичную речь, мы выделили ораторский подстиль и жанр публичного выступления.

Композиция произведения является традиционной пятичастной (вступление, описание, повествование, рассуждение, заключение). Обилие языковых средств выразительности присутствует в основной и заключительной частях, благодаря чему происходит более емкое, подчеркнутое выражение авторской мысли.

Отбор лексических средств, прежде всего, обусловлен тематикой текста (*миро, церковно-славянский, слово Божие* и др.). Кроме того, отбор

лексики связан с терминологией по соответствующей теме (*языковое пространство, языковое мышление, сквернословие, педагог-христианин, русский литературный язык* и др.) и обусловлен принадлежностью текста к публицистическому стилю (употребление книжных слов, газетизмов, вопросно-ответного изложения). Раскрытие значения церковно-славянского языка также оказывает влияние на отбор лексических средств (*духовное сокровище, помазано Божией благодатью, послужить маяком, святыня, сокровищница памяти, стезя добра* и др.).

Кроме того, для анализируемого текста характерно широкое использование синонимов: языковых (26 синонимических рядов: *педагог – учитель, дети – чада* и др.) и контекстуальных (14 синонимических рядов: *ученики – питомцы, подопечные* и др.).

С морфологической точки зрения обращает на себя внимание то, что в тексте присутствуют существительные в единственном числе, несущие собирательное значение (*педагог, родитель, учитель, воспитатель, слово, подвиг* и др.).

В тексте происходит смешение личных местоимений в единственном числе (*я, мне, его, ее, оно, он, ему*) с местоимениями во множественном числе, обобщенном значении (*мы, нам, нас, вы, вам, вами, они, ими, их, вами*), которые и являются преобладающими. Заметно частое употребление притяжательных местоимений (*моего, своего, своим, твоей, твоя, свое, нашего*), относительных (*что, какой*). Кроме того, следует отметить наличие определительных местоимений (*каждый, сам, самих, сами*), указательных (*это, те, того, тот, этот, этим, вот, в том, такое*), вопросительных местоимений (*что, как*), возвратного местоимения *себя*, неопределенного местоимения *неким*.

Глаголы, которые употребляются в настоящем времени, позволяют подчеркнуть то, что мы видим «сегодня»: <...> *Это миро мы, священники, получаем по благословению и храним в особом драгоценном сосуде, притом что сосуд этот, помещенный в определенное вместилище, некий киот,*

стоит на престоле или в ином достойном месте Божьего алтаря. ... <...> (с. 8). В тексте часто встречаются и глаголы в форме будущего времени, благодаря которым главная мысль раскрывается более полно, а также выражается желания и ожидания самого автора: церковно-славянский язык должен быть помещен в драгоценный футляр русского литературного языка <...> (с. 7).

Особенностью синтаксиса в данном тексте является его книжный характер и усложненность, которая выражается в обилии сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, однородных членов предложений, деепричастных и причастных оборотов.

Следует отметить, что причастий в тексте 32 единицы, из которых действительных 17 единиц (*действующая, живущая, различающая* и др.), страдательных 6 единиц (*помещенный, содержащееся*, и др.), кратких причастий 10 единиц (*вправлен, помещен, опустошена* и др.). Что касается деепричастий, то их количество в тексте составляет 11 единиц, из которых деепричастий несовершенного вида 9 единиц (*возрастая, приобщая, обращаясь* и др.), совершенного вида 2 единицы (*поразмыслив, соделав*).

Качественных прилагательных в тексте насчитывается 106 единицы (*новую, дорогие, великая, старое* и т.д.), относительных прилагательных – 74 единицы (*языковое, церковно-славянский, словесный, внутренний* и т.д.).

Кроме того, в тексте часто встречается наречие (68 единиц). Обстоятельственных наречий 32 единицы в тексте, среди них мы выделяем наречия времени (*иногда, ныне, теперь* и др.), меры и степени (*не ниже, не меньше* и др.). Среди определительных наречий (36 единицы) мы можем выделить качественные *невозможно, духовно, необходимо* и др.).

Автор использует разные синтаксические приемы экспрессии (развернутая метафора, реминисценции, эпитеты, антитеза, риторический вопрос, сравнение и т.д.): развернутая метафора – *ограничены церковной оградой, разбить драгоценную стекляницу*, (с. 6); реминисценции – *Обращаясь к русскому языку, в его историческом развитии, мы обретаем в*

*памяти наши летописные своды, «**предания старины глубокой**», сказания* (с. 5).

В процессе риторического анализа мы «прошли» текст поэтапно, согласно процессу его создания, используя при этом в большей или меньшей степени знания, которые были получены на каждом из пяти этапов риторического канона: инвенции, диспозиции, элокуции, запоминания, произнесения.

Подойдя к завершению риторического анализа произведения Артемия Владимировича, мы можем утверждать, что риторический анализ текста (речи) помогает понять, что представляет собой текст (речь) как результат риторической деятельности, каково его устройство именно как риторического произведения.

Библиография

1. Аннушкин В.И. Риторика. Экспресс-курс: [электронный ресурс] учеб. пособие/В.И. Аннушкин. – 3-е изд., стереотип. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 224 с.
2. Аннушкин В.И., Морозов В.Э. Риторика и культура речи в современном обществе и образовании: сборник материалов X Международной конференции по риторике/науч. ред.-сост. В.И. Аннушкин, В.Э. Морозов. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 496 с.
3. Антонова, Л. Г. Развитие речи «Уроки риторики». Популярное пособие для родителей и педагогов / Л.Г. Антонова. – М.: Академия развития, 2015. - 224 с.
4. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 496 с.
5. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста: практикум: учебное пособие для студентов филологических специальностей вузов / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 462 с.
6. Боженкова Р.К. Русский язык и культура речи: учебник / Р.К. Боженкова, Н.А. Боженкова, В.М. Шаклеин. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 608 с.
7. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учеб. пособие / Н.С. Болотнова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 520 с.
8. Бурмакина Н.А. Нравственный подвиг педагога как источник решения проблемы речевой реабилитации (на материале выступления протоиерея Артемия Владимирова в Саратове) // Экология языка и речи Материалы Международной научной конференции. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина. 2014. С. 157-160.

9. Бурмакина Н.А., Галиева М.Р. Риторический анализ лекции протоиерея Геннадия Фаста «Путь греха и погибели» // *Studia Humanitatis: Электронный научно-образовательный журнал* / гл. ред. Президент АНО ИСГИ, кандидат филологических наук А.С. Мельков. Июнь, – 2013. – № 1. – URL: <http://www.st-hum.ru/content/0113> (дата обращения: 28. 11. 2017).

10. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка: учебник. – М.: Агар, 2000 – 416 с.

11. Валгина Н.С. Теория текста: учебное пособие. – М.: Логос, 2003. – 280 с.

12. Введенская Л.А. Русский язык и культура речи: учебное пособие для вузов / Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова, Е.Ю. Катаева. 12-е изд. Ростов Н/Д: Феникс, 2005. – 544 с.

13. Всеволодова М.В. О ключевых проблемах категоризации текста / М.В. Всеволодова // *Вестник Московского университета. Сер. 9.Филология.* - 2007. – №2. – С. 7 – 31.

14. Гвоздева Е.В, Косицына Е.Ф., Орлова В.Н., Чирич И.В. Русский язык и культура речи: учебное пособие для студентов нефилологических специальностей. – М.: МГИУ, 2008. – 120 с.

15. Голуб И.Б. Русский язык и культура речи: Учеб. пособие: - М.: ИКД «Логос», 2002 – 432 с.

16. Граудина Л.К., Ширяев Е.Н. Культура русской речи. Учебник для вузов [электронный ресурс] // «Библиотека Гумер – гуманитарные науки»/ URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Gray/ (дата обращения: 28. 11. 2013).

17. Гуревич П.С. Искусство устного слова: статья [электронный ресурс] // Научная электронная библиотека «Киберленинка» / URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvo-ustnogo-slova> (дата обращения: 28. 11. 2017).

18. Ефанова Л.Г. Новое в изучении текста и языковой личности: Обзор материалов Всероссийской научной конференции с международным

участием (26-27 октября 2007 года) / Л.Г. Ефанова // Сибирский филологический журнал. – 2008. – № 1. – С. 223 – 229.

19. Зарецкая Е.Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. – 4-е изд. – М.: Дело, 2002. – 480 с.

20. Иванцова Е.В. В пространстве адресата / Е.В. Иванцова // Сибирский филологический журнал. – 2012. – № 1. – С. 228 – 230. – Рец. на кн.: Ким Л.Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2009. – 312 с.

21. Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): учебное пособие для вузов. – М.: «Издательство ПРИОР», 2001. – 272 с.

22. Кожина М.Н. Стилистика русского языка: учебник / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.

23. Кормилицына М.А., Сиротинина О.Б. Хорошая речь / О.Б. Сиротинина, Н.И. Кузнецова, Е.В. Дзякович и др.; Под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. – 320 с.

24. Корнилова Е.Н. Риторика – искусство убеждать. Своеобразие публицистики античной эпохи: Учебное пособие. М.: Изд-во УРАО, 1998. – 208 с.

25. Кохтев Н.Н. Риторика: учеб. пособие для учащихся 8 – 9-х кл. общеобразоват. учреждений / Н.Н. Кохтев, 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1997. – 239 с.

26. Кулибина Н.В. Новый взгляд на анализ текста / Н. В. Кулибина // Русский язык за рубежом. – 2012. – № 2. – С. 110-112 : цв. фот. – Рец. на кн.: Рогова, К.А. Текст: теоретические основания и принципы анализа: учебно-научное пособие / К.А. Рогова [и др.]; под ред. проф. К. А. Роговой. - СПб.: Златоуст, 2011. – 464 с.

27. Леммерман Х. Учебник риторики. Тренировка речи с упражнениями. Перевод с немецкого С.Т. Бугло / М.: Интерэксперт, 1999 – 110 с.

- 28.** Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований / О.А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2011. – 224 с.
- 29.** Ломоносов, М. В. Письмо о правилах российского стихотворства. Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке / М.В. Ломоносов. – М.: Гостехиздат, 2012. – 199 с.
- 30.** Львов М.Р. Риторика. Культура речи: Учеб. пособие для студ. гуманитарных факультетов вузов. – М.: Академия, 2003 – 272 с.
- 31.** Ментцель, Вольфганг Риторика. Искусство говорить свободно и убедительно / Вольфганг Ментцель. – М.: Омега-Л, 2014. – 514 с.
- 32.** Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике: Учеб. Пособие для студентов гуманитарных факультетов. – М.: Издательский центр «Academia», 1996. – 192 с.
- 33.** Михальская А.К. Основы риторики. 10 – 11 кл.: Учеб. для общеобразоват. учреждений. – 2-е изд., с измен. – М.: Дрофа, 2001. – 496 с.
- 34.** Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс / Г.Г. Москальчук. – М.: УРСС, 2003. – 294 с.
- 35.** Москвин, В. П. Риторика и теория коммуникации. Виды, стили и тактики речевого общения / В.П. Москвин. – М.: Огни, 2015. - 218 с.
- 36.** Мучник, Б. С. Культура письменной речи. Формирование стилистического мышления / Б.С. Мучник. – М.: Аспект пресс, 2016. - 176 с.
- 37.** Николина Н.А. Филологический анализ текста: [учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Русский язык и литература»] / Н. А. Николина. – 3-е издание, стереотипное. – М.: Академия, 2008. – 268 с.
- 38.** Порубов Н.И. Риторика: Учеб. пособие Н.И. Порубов. – Мн.: Выш. шк., 2001. – 384 с.
- 39.** Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики. – М.: СВР-Агус, 2000. – 136 с.
- 40.** Рождественский Ю.В. Теория риторики. М.: Добросвет, 1997. –

597 с.

41. Смоляная Д. Доклад на тему «История риторики» по дисциплине «Ораторское искусство». ДонНТУ, Донецк – 2009 [электронный ресурс] // [URL:http://masters.donntu.edu.ua/2009/fvti/smolianaya/library/files/History_of_Rhetoric.htm](http://masters.donntu.edu.ua/2009/fvti/smolianaya/library/files/History_of_Rhetoric.htm) (дата обращения: 28. 11. 2013).

42. Сергиенко С. Доклад на тему «Система аргументов в публичной лекции священника Петра Боева «Пробные браки»» // Красноярские краевые образовательные Рождественские чтения (16 января 2013 г.).

43. Стюард К., Уилкинсон М. Ораторское искусство (притворись его знатоком). СПб. Амфора/Эврика – 2001 [электронный ресурс] // «Университет риторики ораторского мастерства» / URL: http://www.orator.biz/library/books/oratorskoe_iskusstvo-pritvorisj_ego_znatokom/ (дата обращения: 28. 11. 2017).

44. Сопер П. Основы искусства речи / пер. с англ. С.Д. Чижовой / под ред. К.Д. Чижова и Л. М. Яхнича: Ростов-на-Дону, изд-во «Феникс», 1995. – 448 с.

45. Сырица Г.С. Филологический анализ художественного текста: учебное пособие / Г.С. Сырица. - Москва: Флинта: Наука, 2005. – 341 с.

46. Тумина, Л. Е. Русская риторика XVII-XX веков: учение о повествовании / Л.Е. Тумина. – М.: СИНТЕГ, 2012. - 496 с.

47. Удалых Г.Д. Риторика. Ч.1. История риторики. Учебное пособие для студентов и магистрантов гуманитарных специальностей университетов. – Баку: Мутарджим, 2010. – 220 с.

48. Хазагеров Г.Г. Риторика для делового человека: учеб. пособие – М.: Флинта, Московский психолого-социальный институт, 2001 – 136 с.

Лексикографические источники

49. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11000 синоним. Рядов. – 11-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. Яз., 2001. – 568 с.

50. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. - 1-е изд-е: СПб.: Норинт, 1998.

51. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН.; Российский фонд культуры; – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АЗЪ, 1995. – 928 с.

52. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; Под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2010. – 1360 с.

53. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. – М.: «Локид-Пресс». Вадим Серов. – 2003 [электронный ресурс] // «Академик» / URL: <http://dic.academic.ru/> (дата обращения: 10. 11. 2013).

Приложение I

Биография Артемия Владимирова

Протоиерей Артемий Владимиров родился в Москве 21 февраля 1961 года в семье технической интеллигенции. Его мама была физиком, кандидатом физических наук, преподавателем Московского энергетического института. Отец – кандидат физико-математических наук. Старший брат Андрей, кандидат физических наук, на сегодняшний день является игуменом, духовником мужского Иоанна-Богословского монастыря. Так же у Артемия Владимирова есть брат-близнец Дмитрий – талантливый пианист и лауреат международных конкурсов, скоропостижно скончавшийся в 1991 году.

Отец Артемий – окончил в 1983 году филологический факультет Московского университета имени М.В. Ломоносова. Еще во время обучения в университете он встретил свою будущую жену – ныне матушку Елену, которая на данный момент является директором церковно-приходской школы №1 при храме Всех Святых в Красном Селе. После окончания образования будущий батюшка работал преподавателем русского языка и литературы в Математическом интернате имени академика А.Н. Колмогорова при МГУ, а также в Московской Духовной Семинарии и Академии.

Дьяконская хиротония о. Артемия состоялась на летний праздник преп. Сергия Радонежского 19 июля 1987 года. На праздник Рождества Христова в 1988 году он был рукоположен в священники. Хиротония была совершена епископом Дмитровским Александром, ректором МДА.

Свое служение о. Артемий начал в храме Воскресения Словущего в Брюсовом переулке в Москве. Через некоторое время он стал настоятелем храма Всех Святых бывшего Алексеевского монастыря в Красном Селе, который восстанавливался после долгих лет разорения и где 30 марта 1991 года была отслужена первая литургия.

В 1995 году при храме был создан Благотворительный Фонд – Просветительский Центр «Православное видео» (ныне «Артос»), духовником которого и главным участником выпускаемых просветительских программ и до сегодняшнего дня является отец Артемий.

Уже многие годы батюшка занимается не только пасторским служением, но и педагогическим. Он преподает в Свято-Тихоновском богословском университете на кафедре гомилетики, в Академии ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого, где является заместителем декана факультета Православной культуры, в нескольких московских православных и общеобразовательных школах, периодически проводит открытые уроки и лекции во время своих миссионерских поездок по России и за рубежом.

Протоиерей Артемий Владимиров является членом Союза Российских писателей. На данный момент издано более 20 его книг, часть из них переведены на английский, сербский и другие языки.

Пастырское слово отца Артемия звучит во многих аудио- и видеопрограммах, на телеканале СПАС и в радиозэфире «Радонеж», транслируется через Екатеринбургское и Рязанское телевидение во все уголки Российской Федерации. Будучи деятельным миссионером, он много ездит по России, Белоруссии, Украине, посещает Америку, страны Европы, и везде его слово находит отклик в сердцах людей, вселяя в них веру, надежду, любовь.

Протоиерей Артемий имеет множество наград и званий. Он награжден правом ношения набедренника, камилавки и наперсного креста. Возведен в сан протоиерея в 1998 году, а в 2003 году удостоен права ношения палицы. Также Артемий Владимиров награжден орденом святого благоверного князя Даниила Московского III степени (в 2001 году) и орденом святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского III степени (в 2006 году). 20 апреля 2008 года батюшка был удостоен права ношения священнического креста с украшениями.

Именины Артемия Владимировича 6 июля и 2 ноября (дни памяти святого праведного отрока Артемия Веркольского).

Приложение II

Глоссарий

БЛАГОДА́ТЬ, -и, *ж.* 1. О чем-н. хорошем, имеющимся в изобилии (разг.). *В лесу всякая б.: и грибы, и ягоды.* 2. в знач. сказ. Очень хорошо, прекрасно (где-н.). *Весной здесь б. Какая тут б.!* 3. В религиозных представлениях: сила, ниспосланная человеку свыше [первоначально для исполнения воли Бога]. *Б. низошла на кого-н.*

• **Тишь да гладь, да божья** (разг.) - о полном благополучии, спокойствии [Ожегов С.И., 2010: 49]

ВОСПИТА́ТЕЛЬ, -я, *м.* Тот, кто воспитывает или воспитал кого-н. *Школьный в. // ж. воспитательница, -ы.* [Ожегов С.И., 2010:159]

ДУША́, -и́, *вин. ду́шу, мн. ду́ши, ду́ш, ду́шам, ж.* 1. Внутренний, психический мир человека, его сознание. *Предан душой и телом своему делу. Радостно на душе. Мне это не по душе (не нравится). По душам говорить (искренно). Играть с душой (с вдохновением). Вложить душу в дело (отдаться целиком делу). В чем д. держится (о хилом, больном человеке). Д. не лежит к кому-чему-н. (не интересуется кто-что-н., нет симпатии, доверия). Д. не принимает чего-н. (не хочется). Д. в пятки ушла (испугался). От (всей) души или всей душой (искренне). Жить д. в душу (дружно, в согласии). Стоять над душой у кого-н. (неотступно находиться около кого-н., надоедая; разг.). Сколько душе угодно (сколько угодно, вдоволь). Ни душой ни телом не виноват (совсем не виноват). Отвести душу (высказать все, что накопилось). Брать на́ душу что-н. (принимать на свою ответственность). За́ душу берет что-н. (очень волнует). Души не чаять в ком-н. (сильно любить кого-н.). Д. нараспашку у кого-н. (о человеке откровенном). Д. не на месте (беспокойно). С души воротит от чего-н. (нет сил терпеть что-н.; прост.). Как бог на́ душу положит (как выйдет, кое-как; разг.). Отдать богу душу (умереть; устар.). 2. То или иное свойство характера, а также человек с теми или иными свойствами. *Добрая д. Низкая д.* 3. *перен., чего.* Вдохновитель чего-н.,*

главное лицо. *Д. всего дела. Д. общества.* **4.** О человеке (обычно в устойчивых сочетаниях; разг.). *В доме ни души. Живой души нет* (никого нет). **5.** В старину: крепостной крестьянин. *Ревизская д. Мертвые души. Без души* – без воодушевления, без подъема. **В душе** – 1) мысленно, про себя. *В душе он был согласен;* 2) по природным склонностям. *Поэт в душе. Для души* (разг.) – для себя, для удовольствия своих склонностей. **Душа моя!** (разг.) – в обращении: милый (-ая). **Душа-человек** (разг.) – очень хороший, отзывчивый человек. **За душой нет** (ничего, ни копейки и т.п.) *у кого* – нет ничего у кого-н. **За милую душу** (сделать что-н.) – со всем удовольствием. // *пренебр. душóнка, -и, ж.* (к 1, 2 знач.; разг.). // *прил. душéвный, -ая, -ое* (к 1 знач.) и *душевóй, -ая, -ое* (к 5 знач.). *Душевные болезни* (психические). *С душевным прискорбием. Душевой надел* [Ожегов, 2010: 284 – 285].

КИÓТ, -а, м. Остеклённая рама или шкафчик для икон. // *прил. киóтный, -ая, -ое* [Ожегов, 2010: 273]

МÍРО, -а, ср. Деревянное масло с красным вином и благовониями, употр. в христианских обрядах. *Одним ~м мазаны* (перен.: о людях с одинаковыми недостатками; шутл.) [Ожегов, 2010: 358]

НРА́ВСТВЕННОСТЬ, -и, ж. Правила, определяющие поведение; духовные и душевные качества, необходимые человеку в обществе, а также выполнение этих правил, поведение. *Высокая н.* // *прил. нра́вственный, -ая, -ое. Нравственные правила.* [Ожегов, 2010: 635]

НРА́ВСТВЕННЫЙ, -ая, -ое; -вен, -венна. **1.** см. нравственность. **2.** Соблюдающий требования нравственности; *противоп.* безнравственный. *Н. человек.* **3.** Относящийся к внутренней, духовной жизни человека; *противоп.* физический. *Нравственное удовлетворение.* [Ожегов, 2010: 635]

ПА́СТЫРЬ, -я, м. **1.** То же, что пастух (стар.). **2.** Священник как наставник паствы (книжн.). // *прил. пастырский, -ая, -ое.* [Ожегов, 2010: 495]

ПЕДАГО́Г, -а, *м.* Лицо, занимающееся преподавательской и воспитательной работой. // *прил.* **педагогический**, -ая, -ое. *П. стаж.* [Ожегов, 2010: 746]

ПЕДАГО́Г, преподаватель / *школьный*: учитель [Александрова, 2001: 319]

ПИТО́МЕЦ, -мца, *м.*, *чей* и *кого-чего* (книжн.). Чей-н. воспитанник. *П. университета. Питомцы побед* (перен.: о воинах-победителях; высок.). // *ж.* **пито́мица**, -ы. [Ожегов, 2010: 778]

ПО́ДВИГ, -а, *м.* Героический, самоотверженный поступок. *Воинский п. Трудовой п. П. во славу Родины.* [Ожегов, 2010: 798]

ПОДОПÉЧНЫЙ, -ая, -ое (офиц. и разг.). Состоящий под чьей-н. опекой. *П. ребенок.* [Ожегов, 2010: 807]

ПОМА́ЗАНИЕ -я, *ср.* В христианских обрядах крещения, соборования, возведения в духовный сан, на царство: смазывание лба (при крещении также других частей тела) освящённым маслом миром, елеем для ниспослания на верующего божественной благодати. *Священное п. П. на царство.* [Ожегов, 2010: 558]

РЕБЁНОК 1. малолетний; малютка, маленький, малыш, крошка, кроха, малявка (*разг.*); клоп, карапуз, пузырь (*разг. шутл.*); малолеток, ребятёнок, дитё, дитёнок (*прост.*); дитя (*устар.*); ангельская душка (*устар. разг.*) / *о толстом*: бутуз (*разг.*) / *чаще о девочке*: малышка (*разг.*) / *при обращении*: дитятко (*устар.*) / *в грудном возрасте*: младенец, грудной ребёнок (или младенец); лялька, пеленашка, грудничок (*разг.*); грудняк, титечный ребёнок (*прост.*) / *мн.*: дети, ребята; ребяташки (*разг.*) // *собир.*: детвора, мелюзга, ребятня, малышня (*разг.*); пацанва (*прост.*)

2. *о родном ребёнке*: кровинка (*прост. и народно-поэт.*); чадо, детище (*устар.*); роженое дитя (*устар. прост.*) [Александрова, 2001: 432]

СВЯТЫНЯ -и, *ж.1.* То, что является особенно дорогим, любовно хранимым и чтимым (высок.). *Народные святыни. Национальная с.*

2. Предмет или место религиозного поклонения. *Поклониться святыням.*
[Ожегов, 2010: 706]

СВЯЩЕННИК, -а, м. Служитель культа православной церкви, по сану средний между дьяконом и епископом. // прил. **священнический**, -ая, -ое. С. сан. [Ожегов, 2010: 1043]

СЕРДЦЕ [рц], -а, мн. -дцá, -дéц, -дцáм, ср. **1.** Центральный орган кровообращения в виде мускульного мешка (у человека с левой стороны грудной полости, груди). С. бьется. *Порок сердца* (одна из болезней сердца). **2. перен.** Этот орган как символ переживаний, чувств, настроений человека. *Золотое с. у кого-н.* (об очень добром человеке). *У него нет сердца* (о злом, черством человеке). **3. перен.** Важнейшее место чего-н., средоточие. *Москва – с. нашей Родины.* **Положа руку нá сердце** (разг.) – совершенно откровенно. **От всего сердца** или **от чистого сердца** – от всей души, искренне. **Не лежит сердце к кому-чему** (разг.) – нет расположения к кому-чему-н. **Принять близко к сердцу что** – отнестись к чему-н. взволнованно и с большим интересом, вниманием. **Покорить сердце чье** – внушить любовь, доверие кому-н. **Брать зá сердце** (разг.) – волновать. **Вырвать из сердца кого-что** (разг.) – забыть кого-что-н., перестать думать, заботиться о ком-чем-н. **Иметь сердце на кого** (разг.) – сердиться. **По сердцу** (разг.) – по нраву, нравится. **В сердцах** (разг.) – в раздражении. **С сердцем** (сказать; прост.) – с раздражением. **Отлегло от сердца** (разг.) – стало легче, почувствовалось облегчение. **Сорвать сердце на ком** (разг.) – излить свою злобу на кого-н. // уменьш.-ласк. **сердечко**, -а, мн. -чки, -чек, -чкам, ср. (в 1 знач.). *Губы сердечком* (о жеманно сложенных, подобранных губах; разг. шутл.). // уменьш. **сердчишко** [рч], -а, мн. -шки, -шек, -шкам, ср. (к 1 знач.; разг. шутл.). С. забилося. // прил. **сердечный**, -ая, -ое (к 1 знач.). *Сердечная болезнь* [Ожегов, 2010: 1052].

СЛОВО¹, -а, мн. словá, слóв, словáм, ср. **1.** Единица речи, служащая для выражения отдельного понятия. *Слова делятся на слоги. Происхождение слов. С. в с.* (о переводе, пересказе: буквально). *Не находить слов для чего-н.*

или *не хватает слов* или *слов нет, как...* (не быть в состоянии выразить что-н. от волнения, возмущения и т.п.). *С. за с.* (о постепенном развитии разговора). *В одно с.* (употр. в случаях, когда два или несколько человек сказали одновременно одно и то же). *Слова не добиться от кого-н.* (не вызвать на разговор). **2.** Самая речь, способность говорить. *Дар слова.* **3.** обычно *мн.* Разговор, беседа, что-н. сказанное. *Понять друг друга без слов.* *Рассказать в немногих словах.* *Спасибо на добром слове* (за хорошее пожелание). *Перейти от слов к делу.* *Передать просьбу на словах* (устно). *Добр на словах, а не на деле.* *С чужих слов говорить* (не выдав, не узнав лично). *Рассказать своими словами* (не буквально, сохраняя только смысл передаваемого). *По словам кого-н.* (по рассказам, по выражению). **4.** Устное публичное выступление, речь в собрании. *Последнее с. подсудимого.* *Заключительное с. докладчика.* **5.** Речь на какую-н. тему, повествование, рассказ (стар.). *Произведение Ломоносова «С. о пользе стекла».* *«С. о полку Игоре».* **6.** Право, позволение говорить публично. *Свобода слова.* *Предоставить кому-н. с.* *Взять с.* *Дать с. кому-н.* *Лишить кого-н. слова.* **7.** Мнение, вывод: достижение в какой-н. области. *Сказать свое веское с.* *Новое с. в технике.* *По последнему слову науки.* **8.** То же, что обещание. *Взять с. с кого-н.* *Взять с. назад.* *Дать с.* *Верить на с.* *Не сдержат слова.* **9.** *мн.* Текст к музыкальному произведению. *Романс на слова Пушкина.* **К слову пришлось** (разг.), *вводн. сл.* – захотелось сказать кстати, по поводу чего-н. **К слову сказать**, *вводн. сл.* словом. **Одним словом** – то же, что словом. **Слов нет**, *вводн. сл.* – конечно, согласен, действительно. // *уменьш. словéчко*, -а, *ср.* (к 1 знач.). // *прил. словéсный*, -ая, -ое (к 1, 2, 3 знач.).

СЛÓВО², *нескл.; ср.* Старинное название буквы «с». [Ожегов, 2010: 1076].

ТА́ИНСТВО, -а, *ср.* В христианстве: церковный обряд, предназначенный для приобщения верующего к божественной благодати. *Таинства православной и католической церкви* (крещение, бракосочетание, исповедь, соборование, причащение, миропомазание,

священство). *Таинства лютеранской церкви* (крещение и причащение). *Таинства англиканской церкви* (крещение, причащение, церковный брак). // прил. **таинственный**, -ая, -ое. [Ожегов, 2010: 787].

УЧЕНИК 1. выученик (*разг.*); выучень (*прост.*)

2. см. учащийся. **3.** см. последователь [Александрова, 2001: 532].

УЧИТЕЛЬ, -я, м. **1.** (*мн.* -я́, -ей). Лицо, к-рое обучает чему-н., преподаватель. *Школьный у. Народный у. У. математики.* **2.** (*мн.* -и, -ей). Глава учения (во 2 знач.), тот, кто учит (научил) чему-н. (*высок.*). // *ж.* **учительница**, -ы (к 1 знач.). // прил. **учительский**, -ая, -ое (к 1 знач.). *У. институт.* [Ожегов, 2010: 1243].

ЧАДО, -а, ср. (*устар.* и *ирон.*). Дитя, ребенок. *Явился со всеми чадами и домочадцами. Великовозрастное ч.* // *уменьш.* **чадушко**, -а, ср. [Ожегов, 1995: 864].

ЧАДО 1. см. ребенок **2.** см. порождение [Александрова, 2001: 548].

ЯЗЫК¹ -а, *мн. ч.* -и, -ов, м. **1.** Подвижный мышечный орган в полости рта, воспринимающий вкусовые ощущения, у человека участвующий также в артикуляции. *Лизать языком. Попробовать на я.* (т. е. на вкус). *Змеиный я.* (такой раздвоенный на конце орган в пасти змеи). *Показать я. кому-н.* (высунуть; также в знак насмешки, пренебрежения). *Держать я. за зубами* (*перен.*: не говорить лишнего, помалкивать; *разг.*). *Длинный я. у кого-н.* (также *перен.*: о болтуне, о том, кто болтает лишнее; *разг. неодобр.*). *Злые языки* (*перен.*: сплетники, клеветники). *На я. остёр кто-н.* (умеет говорить остро). *Вопрос был на языке у кого-н.* (кто-н. готов был задать вопрос). *Что на уме, то и на языке у кого-н.* (что думает, то и говорит; *разг.*). *Придержаться я.* (*перен.*: не сказать лишнего; *разг.*). *Кто тебя (меня, его и т. д.) за я. тянул?* (зачем сказал, проболтался?; *разг. неодобр.*). *Я. развязать* (начать говорить свободнее, охотнее, а также заставить говорить; *разг.*). *Я. распустить* (начать говорить лишнее; *разг. неодобр.*). *Я. прикусить* или *закусить* (также *перен.*: спохватившись, испугавшись, сразу замолчать; *разг.*). *Я. проглотил кто-н.* (молчит, не хочет говорить; *разг.*). *С*

~а сорвалось что-н. у кого-н. (сказал нечаянно, не подумав; разг.). *Я. без костей у кого-н.* (о том, кто любит много говорить, говорит лишнее; разг. неодобр.). *Я. хорошо подвешен у кого-н.* (мастер хорошо говорить, краснобай; разг.). *Я. не повернётся сказать* (не хватит решимости сказать; разг.). *Я. или ~ом чесать или болтать, трепать ~ом* (перен.: заниматься пустой болтовнёй; разг.). *Я. чешется у кого-н.* (перен.: трудно молчать, не терпится сказать; разг.). *На ~е вертится что-н. у кого-н.* (очень хочется, не терпится сказать, рассказать что-н.; разг.). *Я. проглотишь* (о чём-н. очень вкусно; разг.). **2.** Такой орган животного как кушанье. *Говяжий я. Заливной я.* **3.** В колоколе: металлический стержень, производящий звон ударами о стенки. **4.** перен., *чего* или *какой*. О чём-н., имеющем удлинённую, вытянутую форму. *Языки пламени. Огненные ~и. Я. ледника. Я. волны.*// уменьш. **язычок**, -чка, м.| прил. **языковый**, -ая, -ое (к 1 и 2 знач.) и **язычный**, -ая, -ое (к 1 знач.; спец.). *Языковый сосочек. Языковая колбаса* (изготовленная с ~ом во 2 знач.). *Язычные мышцы.*

ЯЗЫК², -а, *мн. ч.* -и, -ов, м. **1.** Исторически сложившаяся система звуковых, словарных и грамматических средств, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе. *Великий русский я. Славянские ~и. Литературный я. высшая форма общенародного ~а. История ~а. Мёртвые ~и* (известные только по письменным памятникам). *Условный я.* (арго). *Говорить на разных ~ах с кем-н.* (также перен.: совершенно не достигать взаимопонимания). *Найти общий я. с кем-н.* (перен.: достичь взаимопонимания, согласия). **2.** ед. ч. Совокупность средств выражения в словесном творчестве, основанных на общенародной звуковой, словарной и грамматической системе, стиль 1 (в 3 знач.). *Я. Пушкина. Я. писателей. Я. художественной литературы. Я. публицистики.* **3.** ед. ч. Речь, способность говорить. *Лишиться ~а. Больной лежит без ~а и без движений.* **4.** Система знаков (звуков, сигналов), передающих информацию. *Я. животных. Я. пчёл. Я. жестов. Я. дорожных знаков. Я. программирования. Информационные*

~и (в системе обработки информации). **5.** ед. ч., перен., *чего*. То, что выражает, объясняет собой что-н. (о предметах и явлениях). *Я. фактов. Я. цветов. Я. танца.* **6.** перен. Пленный, захваченный для получения нужных сведений (разг.). *Взять, привести ~а.* | прил. ~**овой**, -ая, -ое (к 1, 2 и 3 знач.).